

НАДЕЖДА
ОЛЕШКЕВИЧ

Мой
ПАЛАЧ

16+

Надежда Олешкевич

Мой палач

«Автор»

2019

Олешкевич Н.

Мой палач / Н. Олешкевич — «Автор», 2019

Меня назвали ведьмой и теперь везут на казнь. А исполнит приговор первый палач империи, сильнейший маг, убежать от которого почти невозможно. Но не думал ведь он, что я не стану бороться? Разве кто-то сознательно пойдет на смерть? И пусть я потеряла мужа и дочь, мне по-прежнему хочется жить. К тому же проклятый лес, через который мы поехали, кишит дикими...— О, гуманнейший из палачей, вам не кажется, что на том пригорке видны волки?

© Олешкевич Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Надежда Олешкевич

Мой палач

Глава 1

– Три...

Из рук выпал медяк и тихо покатился по деревянному полу. Я же стояла и не могла нормально вздохнуть, но вскоре встрепенулась и прошептала себе под нос:

– Не может быть.

За окном послышалось конское ржание, а вслед за ним и возмущенный голос какой-то женщины. Раннее прохладное утро вмиг показалось душным, в горле появился тугой ком. Я не могла сдвинуться с места, пораженная открывшейся мне информацией.

– Эйви Морисон, вы дома? – раздался стук в дверь, заставив вздрогнуть.

Этот звук словно побудил меня к действию. Я присела, быстро отыскивала монету, мысленно уговаривая себя не паниковать – переживания и нервозность лишние в данный момент. Скрипучие ступеньки на второй этаж, тяжелая дверь, родная комната, наполненная множеством тканей для пошива заказов, – мне предстояло распрощаться со всем этим без малейших раздумий прямо сейчас. Я закинула на скорую руку несколько вещей в сумку, откидывая пряжу в сторону и не заботясь об устроенном беспорядке, и уже через три минуты выбралась на улицу через черный ход.

Жизнь в деревушке неподалеку от Тервиля только зарождалась. Женщины несли продукты на рынок, мужчины подметали возле своих лавок, открывали ставни, выкладывали товар. На мощеных улочках раздавался цокот копыт, неподалеку галдели дети, приставая к очередному прохожему. Утренняя свежесть ударила в нос вперемешку с запахом сена из ближайшей конюшни и свежеиспеченных булочек из пекарни напротив. Я глубоко вдохнула и не сдержала улыбку, но вскоре вспомнила о своей цели и быстро побежала к северному выходу, что граничил с лесом.

Звук собственных шагов разлетался по округе и заглушал остальные, словно ничего громче него не было. Вскоре я перешла на ходьбу, боясь привлечь к себе лишнее внимание. Приходилось улыбаться знакомым, здороваться и приветливо махать рукой.

Я могла спрятаться в одном из переулков и переждать угрозу, слиться с местностью, притвориться другим человеком. К тому же погони в поле зрения не появилось. Но я знала, что меня заметят, если задержусь в деревне больше чем на десять минут. Поэтому ни в коем случае нельзя было останавливаться. Только вперед, только к своей цели.

Сзади послышался женский вскрик. Я обернулась, не переставая при этом идти, но вдруг наткнулась на девочку лет четырех. Из-за нашего столкновения она упала на попу, и, казалось, не пройдет минуты, как заплачет.

– Т-ш-ш, – присела я на корточки, прикладывая палец к своим губам.

Стоило бы поднять ее, отряхнуть пыль, но что-то подсказывало: не надо. Ребенок может испугаться еще больше, если к ней прикоснется чужой человек. Ее нижняя губа задергалась, предвещая последующий звонкий плач.

– А кто у нас большая девочка? Разве не ты?

Я подбросила в воздух медяк, затем поймала и поиграла им в руке, отвлекая внимание ребенка. Ее обида и горечь от падения мгновенно были позабыты, и девочка начала пристально следить за монетой.

Топот копыт стал отчетливее. Он напомнил о необходимости бежать. Я поднялась на ноги и хотела уйти, но не смогла бросить ребенка возле дороги. Поэтому пришлось помочь ей встать и, чтобы девчушка не расстроилась, отдать медяк.

Благо, в сумке лежал целый мешочек, припасенный на крайний случай. Я прикоснулась на прощание к носику-пуговке девочки и снова пустилась в бег. Наверное, стоило отложить поиск нового медяка на потом. Но разве я могла не вернуть себе в руку монету, которая придавала нужное спокойствие? Однако как бы я ни рыскала в сумке, кожаного мешка так и не нашлось.

Мои шаги начали замедляться. В какой-то момент я и вовсе остановилась, обреченно посмотрела вперед, где уже виднелся выход, и обернулась назад. Конница передвигалась медленно из-за двух стражников, которые приставали чуть ли не к каждому прохожему, явно спрашивая обо мне. Их оказалось больше, намного больше, чем обычно.

Я сжала кулаки и завернула в ближайший переулок, собираясь добраться до нужной точки обходными путями. Ведь выходящая в сторону леса женщина определенно могла привлечь к себе внимание.

На пути почти никто не попадался. В такое время многие уже отправились на работу, а некоторые еще спали. Я снова перешла на бег, поворачивая то в одном месте, то в другом. Сердце бешено колотилось от страха, а в ушах стоял звук собственного тяжелого дыхания. Оставалось всего два пролета, как вдруг меня кто-то схватил за руку.

– Эйви, куда-то спешишь? – елеинным голосом проговорил Сидуар.

– Опять ты. Пусти, мне же больно, – попыталась я вырваться из его цепкой хватки, однако мужчина даже не подумал выполнить просьбу.

– Побудь со мной, не убегай. Неужели не можешь уделить хоть немного времени старому другу?

Его взгляд побежал по моему черному платью, задержался на декольте и медленно поднялся к лицу. Я обычно не ходила в таком наряде, но сегодня подгоняла под себя один из заказов, от которого отказались, сославшись на цвет, и не успела переодеться. Сидуару явно понравилось увиденное, так как в его глазах появился огонек, а на губах начала блуждать едва заметная улыбка.

– Не могу, прости. Как-нибудь позже, – однако и на этот раз я не смогла вырваться.

– Эйви, может, хватит от меня убежать?

Я все-таки выпрямилась и посмотрела на него. Последнее время его широкий нос, тяжелая челюсть и карие глаза дико раздражали. Притом это только мелочи, которые бесили меньше всего. Он каждым своим словом пытался напомнить о моем Рэмми, задевая тем самым с трудом затянувшуюся рану.

– Сидуар, ты ведь все прекрасно понимаешь. На твои предложения я и дальше буду отвечать отказом. А сейчас у меня срочные дела, так что, будь добр, отпусти мою руку и не стой на пути.

– До меня дошли слухи, что стражники пришли за очередной ведьмой. Не странно ли, что как раз в этот момент ты куда-то вдруг спешишь?

– Мы с тобой знакомы чуть ли не восемь лет. Откуда эти мысли пришли тебе в голову?

Приближающийся цокот копыт холодной дрожью отдавал по всему телу. Я слышала голоса с главной улицы, выкрики мужчин, их вопросы и отчетливо понимала: время упущено. Даже зная свое ближайшее будущее, я не смогла его изменить. Как не вышло и тогда, три года назад.

– Я за тобой следил, Эйви. Пристально. Видел каждый шаг и слышал каждое слово. Ты не удивляешься, почти всегда предугадываешь, что произойдет. Даже обо мне откуда-то узнала то, что я никому не рассказывал.

Только сжав руку в кулак и не обнаружив в ней медяка, я поняла весь ужас собственного положения. Не надо было отдавать монету, ведь других в сумке найти не удалось, а без нее мне не справиться. Она придала бы уверенности и сил, помогла бы найти нужный ответ, не позволила бы страху взять верх над ясностью ума.

– Ты путаешь проницательность с чем-то нереальным. Сидуар, прошу, отпусти, пока не поздно, – мягко проговорила я, сделала шаг к нему и положила руку на грудь.

– Правильный ход, Эйви, – накрыл он своей ладонью мою и быстро заговорил, понизив голос чуть ли не до шепота: – Я ведь уверен, что ты ведьма. Иначе не пыталась бы сейчас убежать. Но ты не открыла им дверь, ведь так? Не узнавала причину, по которой стражники явились за тобой? Если бы они видели тебя в лицо, то сейчас не искали бы вслепую какую-то Эйви Морисон.

– Это ты? Ты отправил их туда? – озвучила я свою догадку, начиная отступать. – Да что с тобой не так? Почему не оставишь меня в покое?

– Со мной все нормально. Ты восемь лет назад выбрала Рэмми, потом три года ссылалась на его смерть. Твои отговорки исчерпали себя, – Сидуар потянулся, чтобы обнять меня за талию и прижать к себе, как пытался это сделать уже не единожды, однако я выучила все его движения и поэтому с легкостью вывернувшись, снова попытавшись в это время вырваться из железной хватки, до сих пор удерживающей мой локоть.

– И поэтому ты решил, что надо сообщить обо мне стражникам, оклеветать, чтобы у меня не осталось выхода, кроме как принять эти жалкие ухаживания?

Я старалась вести себя с ним приветливо, только иногда срывалась и высказывала, что, даже не повстречав Рэмми, я все равно не выбрала бы его восемь лет назад. Этот человек был пустословом, который только и умел, что трепать языком, чем не раз подставлял моего мужа. Его попытки ухаживать давно казались отвратными, вызывая лишь тошноту.

– Можешь называть их как хочешь. Решай: или соглашаешься быть со мной, или сейчас же отправляешься к ним.

Как раз в это время из-за угла донеслось мое имя. Мужчины озвучивали его во всеуслышание и, казалось, спрашивали у каждого прохожего.

– У тебя есть медяк?

Давний знакомый выгнул брови, не увидев смысла в моем вопросе.

– Всего один медяк. Дай мне его.

– Значит, выбрала, – разозлился Сидуар и потащил меня к главной улице.

А я в это время потянулась к его кожаному мешку на поясе, собираясь взять столь необходимую мне вещь. Он быстро шагнул вперед, со злостью раз за разом подтягивая меня к себе. Я же делала вид, что не боюсь, что в этот момент не пытаюсь украсть всего одну монету.

– Эй, вы не ее ищите? – прогромыхал Сидуар, привлекая внимание стражников.

Я как раз ухватила за шнурок на мешочке, и своим толчком в спину мужчина помог мне его развязать. Монеты со звоном посыпались на мощеную дорогу. Золотые, серебряники и... Я кинулась к ближайшему медяку, однако в это время меня схватили за пояс и поволокли назад.

– Народ, тут золотые раздают, – закричала я, не сопротивляясь стражникам.

Не прошло и полминуты, как к этому месту налетела детвора, не желающая упускать возможность поживиться лишней монеткой. Меня удерживали крепкие руки, небрежно связывали запястья, а я с улыбкой смотрела на растерянного Сидуара, гонящего мальчишек и пытающегося уберечь свои накопления. Жаль, что внезапно на голове появился мешок и все представление скрылось за плотной тканью. Это была моя маленькая победа перед полнейшим поражением, о котором не хотелось даже задумываться.

Глава 2

Улыбка быстро исчезла, стоило мне удариться спиной о деревянный пол телеги. Пусть я ничего не видела, но подозревала, что для меня не расщедрились на металлическую клетку. Они решили обойтись малым: всего лишь мешком на голове и связанными руками. А чего еще можно было ожидать от стражников, не умеющих думать головой? Интересно, что бы они предприняли против ведьмы, умеющей призывать магию одним шепотом, которой не нужно было даже видеть свою цель, чтобы поразить ее? Люди словно позабыли о настоящем могуществе таких женщин.

Гул толпы затихал, сменялся лишь мерным цоканьем копыт. Я не представляла, сколько мужчин сопровождало меня, но по голосам примерно определила, что не меньше пяти. Дорога не радовала, постоянно попадались рытвины и кочки. Они не раз становились причиной множества поломок, из-за которых в нашу деревню приезжали путники, чтобы отремонтировать свой транспорт, не имея возможности нормально добраться до Тервиля.

Я до последнего надеялась, что смогу выпутаться, развязать веревки на запястьях, отыскать в своей сумке так необходимый мешочек с медяками, однако тот, видимо, остался дома на столике возле кровати. Да и мои вещи, похоже, забрали, поскольку я не ощущала их рядом.

Можно было начинать отсчет времени. Час до города, потом ночь в тюрьме в ожидании приговора. Дела ведьм никогда не рассматривали. Есть малейшее подозрение – ты виновна. И даже считывание памяти не помогало, там обязательно находилось хоть малейшее, но доказательство. Мы не раз сталкивались со случаями, когда ни в чем не повинная женщина шла на виселицу только потому, что ее оклеветала завистливая соседка. Время ведьм прошло, но их до сих пор боялись. Боялись, но не помнили того могущества, забыли, на что они на самом деле способны.

Забыли...

Колеса периодически скрипели, раздражая и без того оголившиеся нервы, вдобавок еще и в спину уперлось что-то твердое, скорее всего, камень. Я перестала пытаться развязать веревку на руках – это оказалось невозможным. Из-за мешка было трудно дышать, а свет через плотную ткань и вовсе не проникал. Целый час мне пришлось провести в темноте, в неудобной позе, настраивая себя на лучшее, уговаривая не поддаваться панике. Выход ведь есть всегда. И нужно его найти до того, как смерть закроет все двери, именно из ее когтистых лап не выбраться. А пока за мной не пришла костлявая, отчаиваться рано.

Пение птиц спустя некоторое время заглушил гул людских голосов, означающий, что мы прибыли на место. Раздался стук копыт по дереву – это явно был подвесной мост – затем по мелкому булыжнику, от которого телега тряслась с удвоенной силой.

Я не сопротивлялась, когда меня подняли, повели куда-то под руки. Жар солнца сменился влажным холодом. Там были ступеньки, длинный коридор, лязг цепей, дикий крик человека, пронзивший сердце ледяной стрелой страха. Я нервно сглотнула, но не сбавила темп, шла за кем-то, не упираясь и не пытаясь вырваться.

– Эту на ночь, – раздался рядом грубый голос.

– За что ее?

– Донос на ведьму.

Стражник толкнул меня вперед. Я сделала пару быстрых шагов, но устояла на ногах, не упала на колени и тем более не распласталась на полу на радость присутствующим.

– Мешок снимать? Или лучше ее в камеру для особо опасных?

– Снимай.

Через пару минут я увидела свою сырую камеру, отдающую в нос гнилой соломой. Стены здесь частично были покрыты мхом. Также мне удалось рассмотреть одного крупного мужлана

в бордовом наряде стражника и шуплого надзирателя, быстро закрывающего замок на ключ. Они не задержались, не захотели побеседовать с пленницей, даже не удостоили взглядом – быстро ушли, разговаривая на понятные только им темы.

Я же тяжело вздохнула и посмотрела на свет, что тянулся из узкого окошка чуть ли не под самым потолком. Сейчас был примерно полдень нового дня, так неожиданно обернувшегося для меня трагедией.

Садиться на пол не хотелось, прикасаться к стенам – тоже. Я то мерила шагами камеру, то пыталась хоть немного согреться под солнечными лучами. Но больше всего времени было потрачено на поиск... Поиск так нужного медяка или хотя бы тонкой булавы в платье, в волосах, в стенах, в окошке. Я за целый день даже изучила массивные петли решетки, взвешивая свои шансы на побег.

Пронзительные крики внушали дикий ужас, вырисовывая в воображении предстоящую участь. Лязг цепей бил по ушам. Но надежда оставалась в сердце, она придавала сил, чтобы не сдаваться, не опускать руки даже сейчас, в полностью безвыходной ситуации.

– Медяк раз, медяк два, медяк три... Медяк раз, медяк два, ты усни... – напевала я свою любимую песню, покачиваясь из стороны в сторону уже ночью, сидя на полу, ощущая, как идущий от камня холод проникает под кожу и замораживает тело.

Под утро мысли перестали приходить в голову – там осталась пустота. Мне надоело так долго копаться в самой себе, в прошлом. Одни воспоминания грели душу, другие – вызывали слезы. Я прожила слишком мало и пережила очень многое. Однако умирать не было никакого желания. Не сейчас... Еще рано.

– Поднимайся, – приказал подошедший стражник.

Ему открыли клетку. На меня снова надели мешок. Грубая рука сильно сжала предплечье, а ее владелец быстро потащил меня вперед.

Когда с меня сняли «головной убор», я первым делом сощурилась от яркого света. Полностью белое помещение почти наполовину было пустым. По центру одиноко стоял стул, дожидаясь своего часа. Напротив него сидело несколько мужчин, кто в бордовых, кто в черных, а кто и в фиолетовых одеяниях. Они даже не взглянули в мою сторону – продолжили переговариваться, словно сейчас не происходило ничего из ряда вон выходящего.

Городовой, его правая рука, писчий, судья, палач и даже один из представителей миами-стров. Казалось, я почтенная особа, ради которой собралось столько мужчин.

С каждым шагом стражника, ведущего меня к стулу, ускользала последняя надежда на спасение. Внутри поселилось желание начать сопротивляться, и я даже отыскала глазами парочку выходов, однако вовремя себя осадил. Тщетно и безрезультатно! Пытаться стоит, когда есть возможность, а здесь она явно отсутствовала. И виной тому была никак не стража, а маг, обычно приводивший приговор к исполнению. Именно он представлял опасность.

Ничего не оставалось, кроме как сесть на стул, позволить привязать себя к нему, рассмотреть огромные ладони стражника, его выпяченную челюсть и маленькие глазки, что впились в кожаные ремешки, которые он тем временем застегивал.

– Надежно, – кивнула я ему, доказывая правдивость своих слов несколькими подергиваниями руками.

Первый этап казни... Голые стены не внушали доверия. А мужчины за спиной – тем более. Раздался скрежет – и на месте белой поверхности появилась подрагивающая серая дымка, что сперва клубилась, а затем начала быстро расступаться.

– Эйви Морисон, за причастность к клану ведьм вы пройдете процедуру очищения.

Из-за противного голоса сзади я повернулась вполоборота. Однако говоривший не попал в поле зрения, зато мне удалось заметить скучавших мужчин, которым было наплевать на происходящее.

Внезапно невидимая сила насильно развернула мою голову обратно к голым стенам, на которых уже начали вырисовываться картинки. Я ощущала, как из самого нутра что-то тянулось вверх, достигало лба и уже через виски вытекало наружу. Все это сопровождалось огнем, опаляющим внутренние органы. Я задохнулась, из глаз брызнули слезы. Меня начало трясти, однако кожаные ремешки удерживали руки, а голову – что-то другое, незримое и неосоздаваемое. Крик боли рвался наружу, но я изо всех сил сжимала челюсти и лишь тихо постанывала, собираясь держаться до последнего.

Дымка поблекла, превратилась в череду неясных картинок, которые с каждым мгновением становились отчетливее. Я боролась с пожаром в груди, с неприятными ощущениями, сжимала подлокотники, впивалась в дерево ногтями. В какой-то момент перед глазами появилась знакомая комната, моя няня.

Я встрепенулась, понимая, что сейчас произойдет, и попыталась вспомнить что-то конкретное, что-то поистине сильное, не позволяя мужчинам сзади увидеть ничего лишнего. Они хотели найти доказательство моей причастности к клану ведьм, но могли обнаружить совершенно иное, что никому и никогда не стоило знать.

– Ох, – сорвался с моих губ то ли вздох, то ли стон.

На стене отразился момент, так долго приходивший во снах, тревоживший мое сознание день ото дня три года подряд. Детали уже позабылись, краски померкли, а боль поутихла. Но сейчас, при виде толпы людей, сквозь которую я пробиралась, неприятные ощущения от процедуры очищения отошли на задний план.

Все оказалось как наяву. В нос ударил запах дыма, в ушах уже звучали крики людей. Женщины, мужчины, дети... Они бежали мне навстречу, не позволяли добраться до полыхающего здания. Я пробиралась как могла. Люди же толкались, увлекали меня за собой. Вокруг царили полнейший хаос и паника, но мне нельзя было им поддаваться. Я смогла выбежать на площадь перед самым храмом, только когда оранжевые языки пламени окрасились в синий цвет, а через считанные секунды и в зеленый. Взрыв! Последний вздох, противный звон, ощущение полета и... знакомый звук падающих на землю медяков, затмевающий все в округе.

Я подпрыгнула на стуле, боясь увидеть продолжение, однако его и не было. На щеках уже образовались мокрые дорожки, вытереть которые не имелось никакой возможности. В голове появилось легкое щекотание, а тот поток энергии, что выливался наружу, словно начал возвращаться. Только с последней ее каплей мне удалось нормально вздохнуть.

По телу пробежала мелкая дрожь. Такие яркие воспоминания дали о себе знать. От этой зеленой вспышки я уже не раз подсакивала во сне, затем долго унимая подступающие рыдания. Но сейчас их надо было всеми силами подавить, чтобы спорившие позади мужчины не заметили никому не нужной слабости.

– Она присутствовала там. Еще один свидетель, – твердый мужской голос стал отчетливее.

– Дело уже закрыли. Там нечего больше расследовать. Ведьму необходимо казнить немедленно.

– Я не собираюсь обсуждать с вами свои решения. Это дело не будет закрыто, пока не найдутся виновные. Я отправляюсь в Шигард и забираю ее с собой.

– Но...

– Подготовьте все необходимое и сопровождение. Через час я уже должен быть в пути, – сказал тот же властный голос, после чего раздались тяжелые шаги, а у меня появилась возможность двигать головой.

Черный плащ, покрывавший широкие плечи, развевался во время быстрой ходьбы. Я не успела рассмотреть мужчину, как ощутила свободу в области левого запястья.

– Вот видишь, только зря старался, – улыбнулась я тому же стражнику и вскоре обрела возможность потереть свои руки, убирая неприятные ощущения в них.

– Эйви Морисон, – заговорил мужчина с длинным носом и большими впалыми глазами, – ваша казнь откладывается на неопределенный срок. Приговор будет принесен в исполнение при первой же возможности, как только вы сослужите необходимую империи службу.

– А разве должна? – прищурилась я.

– Вас никто не спрашивает. Уведите ее, – обратился он уже к стражнику, который схватил меня за руку и повел за собой.

Глава 3

На этот раз моей персоне оказали больше почестей: теперь не было мешка на голове, зато появилась металлическая клетка на телеге. Я даже улыбнулась, увидев ее. Мало кого порадуют такие моменты, но когда есть с чем сравнивать, то лучше уж так, чем нюхать неясно какой давности мешок, побывавший непонятно на ком.

Еще ночью в голове прочно засела мысль, что я больше не увижу лунного света, что это утро будет последним в моей жизни. Однако как же быстро все меняется. Решение палача даровало мне по меньшей мере пять дней жизни – столько придется пробыть в пути, чтобы добраться до столицы, а по большей – несколько лет.

– Мальчик, эй, мальчик.

Вымазанный, со взъерошенными волосами, он не сразу расслышал мой зов.

– Иди сюда, не бойся, – поманила я его рукой.

Во взгляде серых глаз была видна нерешительность. Наверное, многие бы побоялись приближаться к женщине в клетке. Я ведь явно попала сюда не просто так. Но этот мальчик оказался не из робких, он все-таки подошел и вопросительно посмотрел на меня, так и не произнеся ни слова.

– Слушай, у тебя есть медяк?

Его лицо озарила довольная улыбка, обнажившая просветы между зубами.

– Будь так добр, дай его мне, – протянула я руку через решетку.

Но мальчик покачал головой и отошел, не желая делиться своими сбережениями. А после к нему и вовсе подлетела женщина, которая еще издалека начала ругать ребенка за внешний вид и порванную рубаху.

– И что я тебе говорила? Нельзя подходить к этому зданию, тут содержат преступников. А с женщинами вообще не заводи разговор, они вдвойне опасны!

– Ваш сын молчал. Не надо так ругать его, – встряла я в их разговор.

От взгляда, который женщина бросила на меня, можно было сгореть заживо. Проворчав что-то себе под нос, она скривилась от отвращения и быстро повела мальчика за шкурку за собой. Он же чуть ли не падал, пытался освободиться, верещал, просил прощения и оправдывался.

Наверное, мне стоило промолчать. Так бы на него вылилось намного меньше гнева.

По городской мостовой проезжало много карет. Стоял гул от стука копыт и скрипа колес. Где-то вдалеке кричал юноша, продававший газеты со свежими новостями. Солнечные лучи блестели на крышах домов. И я бы улыбнулась, если бы не холодные толстые прутья клетки да каменные гримасы стражников, охранявших повозку. Казалось странным, что они позволили мне заговорить с мальчиком. Сложилось впечатление, что эти люди даже не представляли, что могла сделать настоящая ведьма всего одним прикосновением.

Забыли, они все забыли...

А в памяти у меня жила пара моментов из далекого прошлого. Картинки были настолько яркими, словно я сама стала свидетелем тех событий, которые произошли еще до нового летоисчисления. Едва я подумала о них, как перед внутренним взором всплыли образы людей на поле боя. Самыми четкими и впечатляющими из них казались женщины, что шептали, и от этого шепота зарождалась сильнейшая буря. Другие ведьмы всего лишь задевали людей, а те сразу же превращались в разлетающийся по ветру прах. Были и такие, которые одним своим взглядом заставляли загораться деревья, плавиться металл, превращая оружие в ярко-оранжевые пятна, шипящие при соприкосновении с лужами на земле.

Их сила поражала, могущество восхищало, а огонь в глазах воодушевлял. Мне неизвестно, какая битва отразилась в моих видениях, за что сражались маги, а за что – ведьмы, но одно было ясно: против этих женщин не выстоял бы никто.

По ступенькам твердым шагом спустился мужчина в черном плаще. Я внимательно следила за ним, оценивала. Жаль, что накинутый на голову капюшон скрывал лицо. Был виден лишь прямой нос и волевой подбородок. Его вид обязательно бы вселил ужас, находишься я не за решеткой. Я резко потянулась к нему и схватилась за край плаща.

– Зачем я вам?

На меня посмотрели темно-карие глаза. Густые брови ненадолго сошлись на переносице, а после мужчина резко отступил, вырвав при этом мягкую ткань из моей руки. Ответа не последовало. Палач ловко запрыгнул на черного коня, ненадолго открыв моему взору свои кожаные штаны и небольшой кинжал, прикрепленный на поясе. Я мысленно потянулась к последнему, предвкушая возможную свободу, которую непременно собиралась получить. У меня ведь пять дней, а это долгий срок.

Хлыст со звоном рассек воздух, повозка дернулась, кони заржали. Мы выдвинулись в путь, не задержавшись в Тервиле дольше положенного. Мне никогда не нравился этот городок. Большинство жителей были скупыми, нервными, желающими пожить на всех и вся. Зато моя деревушка оказалась самой восхитительной из мною увиденных за многие годы скитаний. В ней я и повстречала своего Рэмми. Он поставил точку в долгих странствиях. Только благодаря ему я вспомнила, что такое дом, постоянная крыша над головой да любящие тебя люди...

Воспоминания о муже всегда отдавались болью в груди. О Лилии же я и вовсе боялась думать. Слеза только начала прокладывать свой путь по моей щеке, как сразу же была вытерта. А всему виной разбуженные во время исполнения приговора видения, которые до этого слегка померкли и не так будоражили память. Они подкосили мою стойкость и умение держаться несмотря ни на что.

Я оторвала взгляд от дороги, над которой поднималась пыль от повозки и посмотрела по сторонам. Как оказалось, нас почти никто не сопровождал: всего два стражника, извозчик да сам палач, постоянно державшийся наравне с клеткой. Он словно пристально следил за мной, хотя не подавал виду.

На полу телеги лежало немного сена, которое мне удалось собрать в кучу, чтобы немного облегчить свои мучения. Разрез на платье постоянно оголял правую ногу, поэтому мне пришлось попросту вытянуть обе вперед и опереться спиной о холодные прутья.

В попытке согреть руки я терла их друг о друга. Мне очень не хватало медяка. Казалось бы, обычная монета самой мелкой ценности. Но даже такие способны кардинально менять жизнь.

– Уважаемый палач, вы же понимаете, что я не собираюсь с вами сотрудничать?

На мое высказывание мужчина никак не отреагировал. Его стан остался таким же ровным, будто он застыл, находился под магическим воздействием и не мог пошевелиться.

– Мне нет от этого никакой выгоды. Только если... – я повернулась к нему вполборота, однако тот не обратил на меня никакого внимания.

Так и подмывало попросить у него медяк. Однако не показалась бы ему моя просьба слишком очевидной и подозрительной?

– А пленных у вас кормят? За такой долгий срок мой желудок сам себя съест, и тогда все окажется напрасным.

За напускным спокойствием скрывалась тревога, с которой все же удавалось бороться. Не дождавшись ответа, я принялась внимательно рассматривать прутья, из которых была сделана клетка, и большой навесной замок. В голове созрело столько вариантов побега, но вывод оказался неутешительным: без ключей не обойтись. Однако как бы я ни пыталась отыскать взглядом, у кого они, палач постоянно загораживал собой весь обзор.

– Вы не туда повернули, – указала я на развилку дороги. – Неужели собираетесь ехать через Волчье ущелье?

– Ведьма боится волков? – хохотнул один из стражников.

Я привстала на колени, обхватила руками прутья и с наигранным волнением ответила:

– Переживаю за вас глупеньких. У меня есть защита, – провела я пальцем по металлическому ограждению и ехидно усмехнулась, – а вот вы станете лакомым кусочком.

– Не разговаривать с ней, – отдал короткий приказ палач.

Наверное, они на самом деле не понимали, что делали. Ведь здесь бродили огромные стаи голодных животных, готовых в любую минуту напасть на первого встречного. А также этот путь сокращал отведенное мне время с пяти дней до трех. И первый из них прошел слишком быстро.

На ночлег мы остановились посреди леса. Мужчины не забыли разжечь костер, а затем поочередно сторожили лагерь от хищников. С кем бы я ни пыталась заговорить, никто не отвечал. Конвой слушался своего начальника, подчинялся ему. А мне хотелось увидеть его лицо, чтобы подтвердить догадку по поводу личности этого человека. Еще там, на казни, я лишь мельком уловила образ палача, но оказалось бы странным, если бы это оказался именно он.

А вот утро решило порадовать меня. Я еще не успела даже разомкнуть глаза, как настроение поднялось едва ли не до небес. Моя рука нащупала что-то круглое и очень знакомое, шершавое, с неровной каймой. Оказалось, медяк можно найти даже в клетке, всего-то стоило заглянуть в щели между досками. Я резко села, проверила на себе наличие остальных монет и широко улыбнулась. Вот она, удача!

– Почтенный палач, мне вчерашний ужин не понравился. Вы ели мясо, а мне дали черствый кусок хлеба. Ваши люди явно забрали мою порцию. Я ведь искренне верю, что вы не станете обделять девушку, особенно в такой мелочи, как еда.

– Это кого ты тут девушкой назвала? – хохотнул вчерашний говорун, запрыгивая на коня.

– Тебя, малышка. Кого же еще?

Однако ответа на мой выпад почему-то не последовало. Снова раздался щелчок хлыста, и мы тронулись в путь. По здешним местам мне никогда не доводилось проезжать. Высокие деревья вдалеке выглядели цельной темной стеной, сверху и снизу украшенной зеленью. Теплые солнечные лучи изредка пробивались сквозь кроны и ласкали лицо. Пение птиц перебивалось скрипом колес, а свежий лесной воздух – вонью этой клетки.

– О, гуманнейший из палачей, вам не кажется, что на том пригорке видны волки?

Мужчина даже не шелохнулся, чтобы посмотреть в указанную сторону. Я полностью повернулась к нему и принялась изучать черный материал плаща, струившегося по спине от мерных движений коня. Его лошадь бежала не быстро, поэтому мужчина держался ровно, взявшись лишь правой рукой за поводья. А куда спряталась вторая?

Я сжала найденный медяк, но вовремя остановилась из-за возникшей мысли, что за мной все-таки наблюдают, хоть и не подают виду. С этим человеком следовало вести себя осторожней. Ведь не просто так его назначили палачом. Возможно, он являлся одним из многих, но была вероятность, что... Кто ты?

– О, благороднейший из палачей, мы не доедем до Шигарда в полном составе... если вы не обратите внимания на мои слова, – добавила я, чтобы слегка завуалировать свое намерение сбежать. – Волки близко.

– Тэйр? – подал голос один из стражников, явно приняв мои слова за чистую монету.

Тэйр...

– О, сильнейших из палачей, вы ведь не хотите приехать в свой родной город и заявиться домой с оторванными конечностями? Да и сомневаюсь, что в столице найдутся маги, способные излечить что-то подобное.

Я заметила, как большая мужская рука сжалась в кулак. Это значило лишь одно: моя догадка верна.

– Уважаемый тэйр Маркард ди Тиррен Мэйтлон...

– Стоять! – резко крикнул он, наконец повернулся ко мне и даже снял капюшон.

Мужчина остался таким же, каким запечатлелся в памяти. Волнистые темно-русые волосы чуть прикрывали широкий лоб. На худощавом лице выделялись острые скулы и тонкий прямой нос. Брови, словно нарисованные умелой рукой художника, сейчас слегка изогнулись из-за того, что он хмурился и в упор смотрел на меня, спрыгивая тем временем с лошади и торопливо шагая к телеге. В омуте черных глаз плескалось недовольство, не сулившее мне ничего хорошего, а поджатые губы только подчеркивали его сердитость.

Мужчина пробежался взглядом по моему лицу, опустилсЯ вниз на платье, потом оценивающе остановился на удобных босоножках и снова вернулся к лицу. Он пытался понять, откуда я его знаю, но вряд ли ему это удастся. Мы виделись с ним давно, еще в прошлой жизни, когда мне было около шестнадцати. Я бы тоже сейчас сама себя не узнала.

– Кто вы, Эйви Морисон, и откуда знаете мое имя? – медленно проговорил он.

– Ох, – приложила я руку ко рту. – Первый палач империи обратился ко мне по имени. Все, жизнь прожита не напрасно.

– Ключи, – скомандовал он одному из стражников, который без промедления протянул их своему начальнику.

Мужчина быстро обошел телегу, открыл замок, а затем кивнул в мою сторону, безмолвно отдавая приказ. В клетку залез русоволосый говорун, схватил меня за руку и потянул на себя, чуть ли не скидывая на землю.

– Эй, поосторожнее, я тебе не мешок с зерном.

Стражник ухмыльнулся, подтолкнул меня к месту, куда указал палач, и заставил сесть на траву.

– Достопочтенный палач, вы ведь не собираетесь забираться ко мне в голову, чтобы узнать совершенно не важную ни для кого информацию?

Тиррен расположился напротив на поваленном дереве, достал левую руку из кармана и начал перебирать в ней два белых камешка. Всего два? И притом камни! Через секунду я ощутила холодное прикосновение к своим вискам. В голове словно включили свет, открывая обзор на все доступные воспоминания. Они выглядели яркими сгустками энергии, при приближении к которым отчетливо слышались звуки, голоса, появлялось мельтешение картинок в том клубке, от прикосновения к одному даже возникли реальные ощущения. Я взглянула вдаль. Огромное количество таких же подрагивающих шаров словно было вживлено в стену, а та шла то ли по кругу, то ли вытягивалась вдаль. Некоторые сгустки выглядели яркими и большими, а другие – еле различимыми капельками или серыми, мрачными облачками тумана.

Выдох. Я попробовала сопротивляться, закрыть доступ, отмахнуться, обратно выключить свет, но ничего не вышло. Зрочки палача находились в движении – он видел то, что творилось у меня в голове. Этого нельзя было допустить!

Я сжала медяк в руке, потянулась к разрезу на ноге и полоснула им по двум другим монетам, спрятанным в набедренной повязке. Знакомый уху звон, мелкая вибрация металла, и за спиной палача появилась моя точная копия. Она повела маленьким вздернутым носиком, пригнувшись, ухмыльнулась, выгнула тонкую бровь. Темно-серые глаза быстро пробежались по присутствующим. Ее длинные черные волосы прикрывали плечи, подчеркивая белизну кожи. Даже платье точь-в-точь походило на мое: глубокий вырез, очень широкие рукава из прозрачной ткани с ажурной вышивкой, юбка в пол с высоким разрезом, позволяющим дотянуться до повязки на бедре. Мой миам наклонился к сосредоточенному палачу, прошептал пару слов на ухо, и тот завалился на бок.

Наблюдать за ней всегда было приятно. Если ведьмы могли воздействовать на магическую составляющую нашего мира напрямую, то мы, маги, делали это через миамов – невидимых для чужих глаз клонов, которые вызывались с помощью взаимодействия определенных предметов.

– Медяк раз, медяк два, медяк три, – повернулась я к оторопевшим охранникам. – Медяк раз, медяк два, ты усни...

Миам подошел к одному мужчине, затем к другому, проделал те же действия, после чего они уснули. За извозчиком пришлось погоняться, однако и тот вскоре оказался на земле. Моя копия двигалась неторопливо. И как бы я ни старалась, ускорить ее удавалось с трудом. Для этого требовалось много тренироваться, практиковаться и открывать новые и новые способности магического двойника. Хотя я не сидела сложа руки и за десять лет значительно улучшила его навыки.

– Наивные, – усмехнулась я и поднялась, отряхивая платье.

Полупрозрачная копия же исчезла, стоило разорвать с ней связь, подкинув медяк в воздух. Как бы ни хотелось использовать миамов постоянно, но чем дольше его не отпускать, тем медленнее его движения и действия. Один раз он даже застыл, словно исчерпал все возможные силы, однако это происходило давно и в тот момент копия еще была слаба и совсем не развита.

Первым делом я хотела затолкать стражников в клетку и закрыть их там, но засомневалась, что даже мы вдвоем с миамом это сможем. А когда вдалеке раздался множественный вой, мне и вовсе расхотелось оставаться в глухом лесу.

Я побежала к ближайшему коню, запрыгнула на него и ударила ногами по бокам.

– А ну пошел, мой хороший, – прикрикнула я, после чего меня все же послушались.

Времени оставалось мало. Наложенный на мужчин сон обычно действовал по-разному, но чаще всего недолго, поэтому лучше поскорее умчаться подальше от людей, собиравшихся меня казнить. Я даже согласилась бы пробираться через реки и горы, а если понадобилось бы, то пересекла бы саму Пустошь, лишь бы убежать от недоброжелателей.

Вой стал отчетливее. Теперь появился и громкий шелест, словно огромная стая волков приближалась к поляне с телегой. Я услышала испуганный крик, вскоре перешедший в воинственный клич. А через секунду раздался дикий визг животных. Сердце екнуло от страха, руки сильнее сжали поводья. Я пригнулась к коню и ударила его по бокам ногами, заставляя бежать еще быстрее.

Рукава развевались вместе с юбкой, оголяя правую ногу. Ветер откидывал волосы назад, играл с гривой животного, а тот двигался без остановки. Перед нами вырастали широкие стволы деревьев, из земли проступали массивные корни, низкие ветки иногда хлестали по плечу или голове. Я старалась выбирать самые ровные участки дороги, в какой-то момент и вовсе свернула в лес, чтобы в случае погони не было возможности обнаружить мое местонахождение.

Стоило мне улыбнуться и вздохнуть спокойнее, как сзади послышался нараставший стук копыт. Всего одного взгляда хватило, чтобы понять, что это палач стремительно настигал меня. Казалось, его конь в разы сильнее и быстрее моего. Я лихорадочно начала выдумывать возможные варианты, чтобы избавиться от погони и сбить его со следа.

Я виляла между деревьями, отчетливо понимая, что по прямой не смогу от него оторваться. Однако неожиданно лес закончился – и впереди расprostерлось бескрайнее зеленое поле. Всего секунда заминки – и конь снова пустился вскачь. Я умоляла его ускориться, прижималась к спине, пытаясь тем самым помочь.

Что-то невидимое вдруг оторвало мои руки от поводьев, а затем резко толкнуло в живот, сбрасывая с лошади. Я не успела вскрикнуть и вообще что-либо сообразить, как оказалась подхваченной мужчиной за талию. А конь продолжил свой бег, унося с собой мою возможную свободу.

– Но как? – мне не удалось сдержать свое недоумение, когда Тиррен остановился и опустил меня на землю. – Невозможно на ходу...

Однако я прикусила язык, не собираясь заканчивать фразу, ведь иначе он мог догадаться, что я тоже маг, что знаю о миамах и что именно с помощью своей магической копии усыпила всех возле повозки. А палачу словно было неинтересно то, что говорит какая-то женщина. Он спрыгнул с коня, положил тяжелую руку мне на плечо, а левую прижал к груди, раз за разом перебирая в ней камешки.

– Вам не удастся ее вернуть, – проследила я за его взглядом, устремленным вслед удаляющейся лошади. – Слишком далеко она ускакала.

Тиррен вдруг впился цепкими пальцами в мое плечо, а затем расслабился и повернулся ко мне. Его желваки ходили ходуном, черты лица заострились, а глаза вообще стали черными, как смоль. Однако в следующую секунду он обхватил меня за талию и закинул на жеребца, сразу же запрыгивая на него и усаживаясь сзади.

Глава 4

Пусть побег не удался. Это не значило, что я не попытаюсь сбежать еще раз. Ехать на лошади вниз головой, когда свисают руки и ноги, оказалось ой как неудобно. Любые мои потуги расположиться получше, приподняться или вообще спрыгнуть сразу же пресекались мужчиной. Он клал свою ручищу мне на спину и надавливал. Первые разы я просто вскрикивала и терпела, но со временем отпало всякое желание ощущать, как внутренние органы в районе живота сплющиваются. Пришлось смиренно терпеть неудобства всю обратную дорогу. Уж лучше ехать в клетке, чем так.

Время, проведенное в попытке умчаться на лошади, пролетело незаметно, но вот путь назад оказался слишком длинным. Кровь прилила к голове, дышать стало трудно.

– Тэйр палач, – с трудом выговорила я, – будьте так добры, позвольте мне сесть нормально.

Ответом послужило то же его действие, после которого снова пришлось вскрикнуть.

– Вы же не можете быть извергом и издеваться над... уф... над бедной женщиной. Меня сейчас стош... – договорить я не успела, поскольку повернула голову в сторону телеги, к которой мы почти приблизились, и замолкла, пораженная увиденным.

В горле пересохло, рот не удавалось закрыть. Хотелось развернуться и быстрее покинуть это место, но тело впало в оцепенение. Вся поляна оросилась кровью. То тут, то там были шкуры животных, хвосты, лапы. Я никогда не считала себя слабой или брезгливой, однако от этого вида и вправду появилась тошнота.

Мне пришлось опустить голову и прикрыть руками глаза, чтобы не видеть этого ужаса. Но в то же время страшные картины появлялись перед внутренним взором. Там были и мертвые стражники, и окрасившиеся в бордовый цвет мечи, и обездвиженные животные. А самое отвратительное, что парочка волков еще осталась на поляне, окружила последнего уцелевшего коня, который зацепился за что-то и не мог убежать.

Тиррен зашевелился. Я резко приподнялась и схватила его за руку, боясь потерять хоть какую-нибудь защиту, увидеть, как и его растерзают на части, а потом оказаться самой в незавидном положении. Пусть он считает себя сильным магом, но лучше не стоит идти к этим животным, голодным, диким, учуявшим запах крови и распробовавшим свежее мясо. Я тоже могу кичиться и притворяться храброй, но иногда разумнее убежать, оставить все так, не лезть и сохранить себе жизнь.

– Не надо, пожалуйста. Поехали отсюда, – мне с трудом удалось выговорить.

– Закройте глаза, – посоветовал палач и спрыгнул с лошади.

Я сделала протяжный выдох, собирая в кулак все мужество, и подняла голову. Стоило увидеть желтые глаза зверей, устремленные на Тиррена, на меня, на лошадь, как холодная лапа страха сжала все внутренности.

– Спокойно...

Как бы сейчас ни хотелось закричать, отдаться панике, тем самым вытворяя глупые поступки, я набрала побольше воздуха в легкие и сделала рывок, приподнимаясь на коне, который тоже оказался не из храбрых. Лошади с трудом удавалось стоять на одном месте. Ощущалось, что и она хотела поддаться порыву и сбежать. Перекинув ногу через седло, я взяла в руки поводья и собралась ударить животное ногами по бокам, чтобы покинуть это проклятое место. Палач сделал ошибку – он отдал своего быстрого коня, а сам отправился на спасение второго.

Но стоило замахнуться, как в поле зрения попался волк, обходивший мужчину сзади. А тот без конца перебирал в руке камешки и с легкостью справлялся с животными. Они прыгали на Тиррена и застывали в полете, затем обессилено падая на землю. Скулеж перемежался с рычанием, вой смешался с лаем. Меня распирало от желания посмотреть на миамма мага, уви-

деть хотя бы на мгновение, с какой скоростью он двигался и раскидывал одного за другим зверей. Но это было невозможно, ведь видеть чужих двойников никто не мог.

Конь подо мной встал на дыбы и громко заржал. Я не ожидала ничего подобного и попросту упала с него прямо перед двумя волками, которые и стали причиной такого поведения жеребца. Они оголили грязно-желтые клыки, приоткрыв пасть. Один слегка присел на задние лапы и приготовился к прыжку. Я начала откатываться, сжимая находящийся до сих пор в руке медяк, и собралась уже потянуться к бедру, как хищники стали странно себя вести: они начали топтаться на одном месте, а затем и вовсе упали, словно получили удар по голове.

– Сзади, – крикнула я Тиррену, отвлекшемуся на мое спасение.

Тот развернулся, взглянул на нападающего зверя и вскоре переступил через его валяющееся на земле тело. Но он был не последним. Не зря это место называлось Волчьей долиной. Эти звери плодились здесь, словно мухи, однако редко выходили за пределы, не могли, будто их что-то удерживало. Люди рассказывали, что животные в определенный момент начинали поедать друг друга, но предпочитали полакомиться более вкусным мясом.

Я заметила, как Тиррен опустил в карман камни и размял руку, готовясь к очередному нападению зверей, которые показались из-за ближайших кустов. Для меня же этот бой был лишним. Мужчина хотел подступиться к лошади, забрать последнюю, возможно, взять что-то из небольшого багажа на телеге. А я не видела надобности находиться здесь и дальше, иначе могла упустить шанс сбежать от палача и обрести свободу.

Поднявшись с земли, я собралась снова взобраться на лошадь, но в последнюю секунду решила воспользоваться способностями миамы. Медяк соприкоснулся с двумя другими, послышался звон. Я прикрыла глаза, набирая побольше воздуха в легкие. Магический двойник, слившись со мной воедино, показал ближайшее будущее, от которого пришлось сжать кулаки до побелевших костяшек. Мы не можем изменить то, что уготовано нам судьбой, но в силах повлиять на ход событий, пройти путь другой дорогой, той, что выбрали сами.

И сейчас я спрятала медяк в набедренную повязку, подбежала к ближайшему охраннику и взяла его меч. Оружие оказалось тяжелым, поднять его мне удалось не с первого раза.

Волки снова начали нападать. Тиррен достал из кармана свои камни и принялся отбиваться от бешеных животных невидимым моему взору миамом.

– Раз, два, три, четыре...

Я медленно подходила к мужчине, стараясь считать равномерно. Выбор есть всегда, и на этот раз мне пришлось сделать свой.

– Семь, восемь, девять...

Сразу несколько волков бросилось на Тиррена. Он откинул их в сторону и отразил нападение еще троих. Казалось бы, мужчина стоял на одном месте, но он в это время управлял миамом. Главное – в данном деле успеть... И за одним зверем палач все же не уследил.

– Двенадцать! – вскрикнула я и сделала выпад, протыкая бросившегося на мужчину волка.

Именно этот момент появился перед внутренним взором при слиянии с моим магическим двойником. Возможно, стоило уехать и бросить мужчину на растерзание бешеным животным, но я не смогла так поступить с ним.

– Вы еще долго? После этих будут и другие. Смотрите, на пригорке уже шевелятся кусты.

– Бегом к моей лошади.

Я выкинула меч и бросилась к коню Тиррена, с трудом забравшись на него. Стоило мне ударить жеребца ногами по бокам, как рядом появился мужчина на другом ездовом животном, к которому все-таки успел подобраться, развязать его и поравняться со мной.

– За мной! – помчался он вперед.

Сзади раздался вой, целая стая волков бежала в мою сторону. Я замешкалась на секунду, а после последовала за палачом. Скорость была бешеной. Стук копыт перебивал любые дру-

гие звуки. Черный плащ вскоре перестал быть небольшим подрагивающим пятном. Я быстро поравнялась с мужчиной и даже собралась обогнать, но тот не позволил этого сделать. Он даже на скаку без труда управлял своим миамом, натягивал мои же поводья и замедлял бег жеребца.

Лес сменился полем, за ним началась холмистая местность, что напоминала волны в неспокойном море во время шторма. Солнце припекало в макушку. Хотя ветер постоянно и дул в лицо, спина взмокла. Я не привыкла так много ездить на коне, поэтому вскоре устала, с трудом держалась, чтобы не остановиться.

Однако Тиррен сам догадался сделать привал, позволив мне не выглядеть в его глазах слабой и ноющей женщиной. Я вытерпела, не проронила ни слова, даже смогла самостоятельно слезть, хотя не отказалась бы от помощи. Спрыгнула на землю, и меня неожиданно повело в сторону, но внезапно появилась невидимая опора, не позволяющая упасть. Я взглянула на мужчину, миам которого сейчас пришел мне на выручку, но почему-то не поблагодарила. Эти слова застряли в горле колючим комом.

И лишь съев половину протянутой порции сыра с хлебом и мясом, я пришла в себя и уже была готова кидаться налево и направо любого рода колкостями, собираясь довести палача до белого каления, чтобы он сам захотел со мной распрощаться. Осталось полтора дня. Всего ничего, чтобы найти способ избавиться от мужчины. Теперь нет клетки, но пристальный надзор мага и невероятные возможности его миамов быстро перемещаться отменяли так много вариантов обретения свободы.

– Надеюсь, вы меня не вините в потере своих подданных, – моему голосу немного не хватило желаемой дерзости.

– Зачем, если вы сами себя вините? – Тиррен посмотрел на меня лишь на долю секунды, снова отворачиваясь и разглядывая лес Волчьей долины, где совсем недавно происходили жуткие события.

– Вы слишком хорошего обо мне мнения, если так считаете.

Хотя тяжесть в груди на самом деле присутствовала. Эта картина со стражниками и лошадьми, разодранными волками, еще долго будет навещать меня по ночам, окрашивая сны в багровый цвет. Я с трудом сдержалась, чтобы не встряхнуть головой и не подать виду, что мужчина попал в самую точку.

– Не льстите себе. Я не формирую мнение о людях, которых должен убить. Это лишнее.

По телу пробежали ледяные мурашки, грудь сковало холодом. Дыхание и вовсе сперло, а кусок хлеба встал поперек горла. Мне с трудом удалось сдержать кашель, не показать, как сильно задела его слова. Желание сбежать усилилось в разы. Если раньше мне казалось все какой-то игрой, где всего-то нужно не доехать до места казни, то сейчас зародился неприятный трепет перед этим мужчиной. Не было ни малейшего сомнения, что если прямо здесь и сейчас появится необходимость заколоть меня кинжалом, висевшим у него на поясе, то он без малейшей заминки воткнет тот мне в сердце и ни один мускул не дрогнет на его лице. Значит, тэйр Маркард ди Тиррен Мэйтлон не просто так получил статус первого палача империи, считался самым кровожадным и беспощадным, сильным, непреклонным и жестоким человеком. О нем говорили многое: что мужчина не умеет любить, ненавидеть, смеяться, злиться. Это холодное оружие императора, выполняющее самую сложную работу, с которой остальные справиться не могли. И сейчас он сидел рядом со мной, смотрел вдаль, спокойно ел мясо, словно не было той драки с волками, словно не его солдат убили, словно не я спасла ему жизнь, проткнув того зверя.

Я всегда считала, что мнение о людях нужно формировать самостоятельно, поэтому старалась начинать общение с заочно знакомым человеком с чистого листа, не прислушиваясь к остальным. И даже с Тирреном было все так же. Однако сейчас... он являлся палачом. Моим палачом, собирающимся привести приговор в исполнение.

Глава 5

На этот раз поехать на черной лошади у меня не вышло. Мне досталась другая, которую спасали в том побоище. Я всегда думала, что пленных ведут за собой, придерживая поводок, однако Тиррен не беспокоился об этом. Он предоставил мне мнимую свободу действий. Мы не неслись галопом, двигались относительно медленно, что позволяло не ощущать себя неповоротливым бревном в седле. Я некоторое время выбирала тактику и пыталась придумать способ, позволивший бы отделаться от палача и скрыться от так называемого правосудия.

– Зачем надо было возвращаться? Почему сразу не развернулись и не уехали?

– Эйви Морисон, я не веду любого рода беседы с приговоренными к смерти.

– Почему же не ведете? За время нашего путешествия уже вон как много было сказано слов. Думаю, к вечеру мы и вовсе перейдем с вами на задушевные темы.

Я старалась не обращать внимания на его высказывание, делать вид, будто ничего не слышала и не появилась внутри дрожь от одного упоминания о казни.

Палач ускорил темп, чтобы сказать ему что-либо стало трудно, чтобы ветер уносил слова куда-то назад и смешивал их с пением птиц, перелетающих с одной группки зеленых деревьев на другую. Мне пришлось последовать за ним, пару раз притормозить и ощутить в те моменты, как невидимый миама сам подгоняет лошадь. И как бы мне не хотелось вывести мужчину на разговор, это оказалось слишком сложно.

Зато наступил вечер, до прихода которого мы не наткнулись ни на один постоянный двор. По этой дороге редко ездили путники, так как территорию Волчьей долины мы пересекли не так давно. Тиррен разжег костер, поделился со мной едой, а затем молча сидел и смотрел на игру языков пламени.

Сухие ветки потрескивали, выбрасывая в воздух маленьких светлячков, улетающих в небо. Они поднимались вверх, мигали, но слишком быстро затухали. Еще не появился ночной холод, жар от костра опалял кожу, заставляя слегка отодвинуться от него. Где-то вдалеке ухала сова, стрекотали кузнечики, не позволяя нам почувствовать себя единственными гостями в небольшом лесу. Запах травы давно перемешался с запахом дыма, из-за чего скудная на первый взгляд еда показалась в разы вкуснее.

Я много раз собиралась заговорить с мужчиной, но постоянно останавливала себя, понимая, что выбранный путь не поможет добиться желаемого. Меня сперва тревожило, что палач больше не делал попыток проникнуть мне в голову с помощью миама, но затем появилась догадка, что он попросту боится. И страшится Тиррен не того, что увидит, а невозможности контролировать в тот момент ситуацию. Ведь кто знает, вдруг я на самом деле ведьма, которой не нужны определенные предметы, чтобы усыпить его снова?

– Уважаемый палач, так что вы делали в Тервиле? Не поймите меня неправильно, я рада нашему знакомству... – мне вдруг пришла в голову замечательная идея, поэтому дальше я заговорила тише, более плавно, медленно придвигаясь к мужчине и будто случайно задевая рукой вырез платья, открывая при этом обзор на оголившуюся ногу. – Просто... что делал такой важный для империи человек, как вы, в нашем захолустье?

Тиррен сидел на пне, возле которого разжигал костер. Он со скучающим видом повернулся ко мне, а затем снова устремил взгляд на оранжевые всполохи.

– Вас туда точно направили не для разбирательства со мной. Возможно... – я прикоснулась пальцами к его колену и медленно начала движение по ноге вверх, поднимая взгляд к лицу мужчины, – все дело в какой-нибудь женщине.

Палач сбросил мою руку с себя. Его резкие движения почему-то придали мне уверенности, что я на верном пути. Будь он полностью спокоен, то не убирал бы ее настолько быстро.

– О, красивейший из палачей, – я приподнялась и переместилась к нему за спину, проводя пальчиками по предплечью, наклоняясь к уху, а затем отстраняясь и перебираясь на другую сторону. – У вас ведь определенно кто-то должен быть.

Моя очередная попытка прикоснуться к мужчине была остановлена. Он схватил меня за запястье и потянул на себя, заставляя взглянуть прямо в черные глаза, в которых отражались языки пламени.

Я тихо хмыкнула, улыбнулась, ощущая близость победы. Пусть Тиррен сейчас пытался казаться мрачным и отстраненным, уже зародилась уверенность, что мои действия возымели должный результат.

– Если вы меня сейчас поцелуете, я не буду против, – мне необходимо было опередить любую колкость, которая могла бы слететь с его довольно-таки притягательных губ.

Мужчина прищурился и вдруг отпустил, слегка отталкивая. Я не удержалась и упала на траву. Наверное, этого и следовало ожидать. Однако не прошло и секунды, как на моем лице снова появилась улыбка. Я вытянула ноги, откинулась назад и оперлась на локти, чтобы занять соблазнительную позу. Мне пришлось встряхнуть головой, чтобы волосы красиво прикрыли плечи, но при этом не попадали на вырез платья на груди.

– Только не говорите, что не хотели, – почти шепотом проговорила я.

– Чего вы добиваетесь? Хотите заняться сексом? Здесь и сейчас?

Мне вдруг стало не по себе. Сердце неровно забилося в груди, а пальцы словно обожгло холодом. Однако если идти и дальше по избранному пути, то следует ответить утвердительно, чего бы не хотелось на самом деле.

– А почему бы и нет? – попыталась я выговорить тем же нежным голосом, стараясь не показать охватившую меня тревогу.

– Хорошо.

Тиррен резко встал и неторопливо приблизился ко мне. Вот совсем не так все представлялось у меня в голове. Я должна была повалить его на спину, начать медленно раздевать, лаская и целуя. Мужчина же обязательно расслабился бы, откинулся бы назад, возможно, прикрыл бы глаза. У меня сложилась четкая картина, как можно связать ему руки, обезоружить, вывести из строя, усыпить, ударить, в конце концов. И в каждой из тех цепочек событий не возникло момента, где он смотрит на меня так, словно я сейчас просто обязана отдаться сама. В планах не было снимать платье, оголять грудь и позволять прикасаться к себе.

– Раздевайтесь, – приказал маг.

– Что? – попыталась отползти я назад.

– Хотя нет, этим можно заниматься и в одежде.

В следующую секунду он опустил на колени и навис надо мной. А у меня задрожали руки. Я упала на спину, лихорадочно соображая, как выпутаться из сложившейся ситуации. Мужчина потянулся к моему вырезу на юбке, даже начал приподнимать подол.

– Что вы делаете? – попыталась я убрать от себя его руку.

Тиррен больно схватил за запястья, завел их над головой, вжимая в землю. Своим коленом он надавил на мои ноги. На этот раз паника все-таки набросилась на меня диким зверем. Я начала вырываться, раз за разом старалась оттолкнуть неотесанного грубияна, выгибалась, извивалась, тянула руки на себя, но не издала ни звука. Только теперь пришло осознание, что вокруг темный лес и спасения ждать не от кого, а мой медяк спрятан в набедренной повязке, поэтому вызвать миама никак не удастся. Я корила себя за свою глупость, ведь поступила как наивная девочка, залезшая в клетку с разъяренным животным.

Наверное, неминуемого не избежать. Мной попользуются как дешевой девкой, обычно ублажающей мужчин за деньги. Чувство беспомощности оказалось настолько резким и неприятным, что в уголках глаз защипало. Мужчина был слишком сильным, из стальных оков мага выбраться не получалось. Внезапно появившаяся мысль, что мне не удастся воспротивиться

любому его желанию, и вовсе сломала всю веру в хороший исход затеянной мною игры. Я часто заморгала, но решила с достоинством принять возникшую проблему, и поэтому расслабилась, наконец посмотрев на палача.

– Так резко расхотела? – выгнул правую бровь Тиррен. – Странно.

По виску все-таки побежала слеза, однако я натянуто улыбнулась и постаралась скрыть всю бурю эмоций и море негодования, плескавшихся в груди. Стоило попросить его отпустить меня или продолжить гнуть свою линию, чтобы не упасть в грязь лицом, однако слова не шли, они застряли в горле и разъедали его накопившейся желчью.

Тиррен переместил мою левую руку вправо, обхватывая запястья одной своей и освобождая тем самым вторую, которой потянулся к завязкам на штанах. А я ненадолго прикрыла глаза и затем посмотрела вверх, на полыхающий костер, проглатывая рвущиеся наружу рыдания. Мне хотелось завопить, закричать, снова начать извиваться и вырываться, но я прекрасно понимала, что это не даст никаких результатов. Как бы мерзко сейчас не было, следовало потерпеть, пережить и потом сполна отомстить ему за унижение.

Я не сдавалась – принимала поражение, собираясь выиграть в главной битве разгорающейся войны.

Однако неожиданно мои запястья оказались на свободе. Мужчина встал и сел обратно на свой пень, словно пару мгновений назад ничего особенного не происходило.

– Говорить еще что-нибудь надо или и так все понятно? – без слышимой гордости в голосе за собственную победу сказал Тиррен.

Появилось ощущение, будто подобное для него было сродни чему-то обыденному, что приходилось делать чуть ли не каждый день. А мне оказалось сложно контролировать себя. Еще немного – и я сорвалась бы, набросилась на него с дикими воплями, руганью, намерением драться не на жизнь, а на смерть, пользуясь всеми подручными средствами. Можно укусить, ударить, придушить, впиться ногтями в кожу и расцарапать до крови.

Я резко села, сжимая руки в кулаки. Благо, палач не смотрел в мою сторону, иначе увидел бы пожирающий меня изнутри гнев, который с трудом удавалось сдерживать. Однако нельзя было сейчас идти на поводу у эмоций. Наступит мой час, придет нужное время. И тогда никто не спасет его от нападения волка, я гордо отвернусь и позволю случиться неминуемому, улыбаясь при этом.

Больших трудов мне стоило подняться с земли и на негнущихся ногах отойти в лес. И только там, прислонившись к дереву, я позволила себе выдохнуть и закрыть лицо руками. Они дрожали, плечи тоже дрожали, все тело дрожало. Но спустя пару минут я уже с гордо поднятой головой возвращалась к костру, делая вид, будто отходила всего лишь по нужде, а недавний инцидент не затронул самые стойкие струны души.

Вскоре палач лег спать, поделившись со мной плотным покрывалом, на что чуть было не получил в ответ фырканье и резкий отказ. Однако я вовремя подавила свою гордость, иначе пришлось бы мерзнуть на голой земле.

Костер догорал. С каждой минутой его свет становился более тусклым, а в какой-то момент и вовсе перестал плясать на стволах деревьев. Я прислушивалась к каждому звуку, надеясь поскорее услышать мерное сопение мужчины.

Медяк оказался в моей руке. Я долго крутила его, не решаясь вызвать миам. Лунный свет освещал лишь верхушки деревьев, оставив нашу поляну в темноте. Вокруг не раздавалось ни единого шороха, словно все жители леса погрузились в сон вместе с палачом. Я потянулась к набедренной повязке и полоснула монетой по двум другим. Знакомый звон, вибрация в руке – и появилась моя магическая копия.

Она первым делом направилась к Тиррену. Мужчина лежал на боку. Судя по его сопению, он на самом деле спал. Я попробовала настроиться на зрение миам, что мне всегда давалось с трудом. Двойник наклонился, потянулся к одеялу, чтобы приподнять его и достать кин-

жал, однако палач вдруг выставил руку вперед, словно пытаясь схватиться за ногу магической копии. Благо, она успела отпрыгнуть, а я сразу же выбросила медяк на землю, разрывая с ней связь.

Пару минут было страшно даже шелохнуться. Я замерла, впиваясь взглядом в темноту перед собой. Хотелось верить, что маг не ощутил моего двойника, не тянулся именно к его ноге, а просто поддался веянию сна и сделал это неосознанно. Его дыхание продолжило быть таким же ровным и тихим, но закралось сомнение, что Тиррен все-таки может не спать. Почувствовать рядом с собой невидимого миам, тем более на расстоянии, невозможно ни во сне, ни во время бодрствования. Это за гранью допустимого!

Я затаилась, накрылась одеялом почти с головой и всячески делала вид, будто вижу десятый сон. Вскоре медяк снова находился в моей руке. Хотя магическую копию вызывать было боязно, следовало бежать. И чем раньше, тем лучше. Времени до рассвета оставалось все меньше. Стоило полоснуть монетой по двум другим, как надо мной появился миам.

Он, крадучись, направился к лошади, старался ступать как можно осторожнее, хотя его шаги никак не могли нарушить ночную тишь. А уже через пару минут двойник развязал веревку и повел коня подальше в лес. Он уводил того, пока между нами оставалась связь. Как только она ослабла и я перестала четко ощущать своего миам, он прошептал животному на ухо несколько слов. Лошадь сразу же пустилась вскачь. Из-за произнесенного заклинания она будет бежать, пока не устанет, направляясь, скорее всего, обратно в Тервиль, где о ней обязательно позаботятся.

Я аккуратно поднялась и быстро добралась до оставшегося вороного коня. Стоило мне потянуться к веревке, как поблизости раздалось уханье совы и шумное хлопанье крыльев. Вероятно, ее встревожила удаляющаяся лошадь. Этот звук определенно должен был разбудить Тиррена, поэтому я начала действовать намного быстрее и менее аккуратно. Пальцы не тряслись, слушались, веревка легко им поддавалась. Но стоило мне попытаться взобраться на жеребца, как сильные мужские руки потянули за талию и откинули меня на землю.

Идеальная возможность вырваться на свободу обернулась крахом.

– Не хотите отправиться на поиски второго коня? – грозно навис надо мной черный силуэт.

– Хочу, – я поднялась на ноги и бросилась к ближайшим зарослям, опасаясь последствий неудавшегося побега.

– Куда? – проревел мужчина, а его миам толкнул меня в грудь, и я упала обратно на землю.

– За лошадью, вы же сами сказали.

– Эйви Морисон, от меня не убежать. Примите это и перестаньте все портить.

Я чуть было не хмыкнула в голос, не согласившись со сказанным. Он являлся слишком самоуверенным, если надеялся, что я с опущенной головой и в полной покорности пойду за ним в Шигард. Ну и пусть мне снова не удалось отделаться от его присутствия, так это ведь не конец. Впереди еще полночи и день пути.

– А, так все-таки вините меня в смерти своих солдат, – от гречи отобранной свободы я словно позабыла, где и с кем нахожусь.

Жаль, в темноте не удалось различить выражение лица мужчины. Он не ответил, обошел стороной и принялся обратно привязывать лошадь к дереву.

– Вторая сама убежала, тут уж я не виновата. Надо было лучше закреплять.

Тиррен приблизился ко мне, постоял так полминуты, раздумывая над чем-то, а затем наклонился и схватил меня за локоть, заставляя встать на ноги. Стоило сделать попытку вырваться, как длинные пальцы больно сжались кольцом на руке. Бороться с ним отпало всякое желание. По пути к своему покрывалу он подхватил и мое, затем достал из сумки веревку и начал связывать наши запястья.

– Сразу так сделать нельзя было? Ну, или привязать меня к дереву. Я думала, все так поступают с заключенными.

– Эйви Морисон, – посмотрел мужчина в мою сторону и сделал небольшую паузу, – вы меня с кем-то путаете. Я не слежу за людьми.

«Я их убиваю», – внутренний голос закончил его фразу, и по позвоночнику пробежалась леденящая змейка страха.

– То есть, – не обращая внимания на грубый тон палача и неприятные ощущения после услышанного, я снова принялась за свое, – вы попросту ошиблись? Неужели не знали, что пленникам свойственно сбегать?

Мужчина покачал головой и закончил все-таки связывать наши запястья, проверив узлы на крепость.

– Зачем кого-то привязывать к дереву? – сухо проговорил он. – Я способен обнаружить попытку побега и предотвратить ее без этого.

Меня так и тянуло сказать, что лошадь ему не удалось задержать. Однако не стоило на этом заострять внимание, чтобы не вызывать ненужных вопросов.

– А теперь, – со странной учтивостью проговорил Тиррен, – спокойной ночи.

Мужчина лег на покрывало и сразу же отвернулся, заставив меня навалиться на него. Только сейчас я заметила, что он связал мою правую руку с его правой и одним действием смог вызвать у меня неловкость и приступ гнева. Все нормальные люди спали бы на спине, чтобы быть подальше от пленника, чтобы не соприкасаться с ним лишний раз. А этот...

– Эй! – возмутилась я, ткнув его кулаком в плечо.

Однако Тиррен подложил свою руку под вторую, тем самым заставляя еще и обнять его. Я подобрала покрывало, перекинула через мага и перелезла сама, чтобы лишний раз не прикасаться к мужчине. Сперва мне показалось странным его поведение, но через пару часов, вдоволь напрыгавшись с одной стороны на другую, я осознала весь ужас его задумки.

Дотянуться до веревки мне ни разу не удалось, заснуть – тоже. Стоило глазам сомкнуться, как палач переворачивался на другой бок и с небывалой силой перемещал свою руку в нужное ему положение, тем самым протаскивая меня по земле и заставляя оказаться прижатой спиной к его спине или вовсе обнимать мужчину, уткнувшись носом в широкие плечи.

Первые разы я ворчала, тянула его на себя, но он словно был глухим неповоротливым камнем. В какой-то момент желание перебираться на другую сторону окончательно пропало. Люди должны ночью отдыхать, а не прыгать туда-сюда. Я прижалась к его спине щекой и уже смирилась с участью остаться в этом положении, наплевав на все негодование и желание придушить мужчину собственными руками. Однако в следующую секунду он перекинул меня через себя, явно не желая, чтобы какая-то ведьма его обнимала остаток ночи.

Я вроде бы что-то промямлила, подложила ладони под щеку и забылась глубоким сном. А там... были Рэмми с Лилией. Они играли на берегу лесного озера. Солнечные лучи делали их светлые волосы чуть ли не белыми. В ушах стоял звонкий смех, на глаза накатили слезы радости. Я же стояла в тени, наблюдала за ними и радовалась... радовалась, что у меня есть такая замечательная семья, что все горести позади и нам удастся скрывать мои способности от других. Ради них я готова была на все. Медяки упали на желтый песок. Я сделала шаг к ним, собираясь сказать, что больше никогда не призову миама, но в следующую секунду все изменилось. Толпа людей начала бежать мне навстречу, перед глазами стояла лишь одна цель – храм. Пламя охватило здание слишком быстро, оно резко окрасилось в синий цвет, а затем и вовсе в зеленый. Взрыв...

Глава 6

Раньше от ночных кошмаров я подскакивала и громко вскрикивала. Теперь же после них ощущалась тяжесть на душе и накатывали слезы на глаза. Я хотела подтянуть колени к груди, чтобы обхватить их руками, однако наткнулась на препятствие. Да и лежать на своей ладони оказалось как-то непривычно: она стала слишком горячей и большой.

Я медленно открыла глаза и сразу же увидела перед собой лицо Тиррена. Он размеренно дышал, согревая мою кожу. Его брови периодически дергались, словно собирались сойтись на переносице, а губы намеревались превратиться в тонкую линию. Сон мужчины словно был не лучше моего, там тоже появилось что-то страшное и тревожное, неприятное, что заставляло мага слегка вздрагивать и отводить плечо назад.

Следовало подскочить на ноги и возмутиться, сказать какую-нибудь колкость. Ведь это палач, мой предполагаемый убийца, который без заминки исполнит приговор, с помощью миамы покажет всем самые потаенные воспоминания, вытянет из тела жизненную и магическую энергию, а затем свернет шею или подаст знак, разрешая затянуть петлю на ком-нибудь другом.

Но, оказалось, сложно отвести взгляд от смуглой кожи и грубых черт лица. А моя привычка обнимать подушку и вовсе сыграла со мной злую шутку, ведь этой ночью вместо нее мне сослужила службу мужская ладонь, на которой я неизвестно сколько проспала.

Разум кричал и настаивал отодвинуться, сделать что-нибудь резкое и разбудить мужчину, испортить ему день с самого начала. И я даже сжала его ладонь, намереваясь так поступить, но в следующую секунду заметила, как сморщилось его лицо, будто от боли, словно сейчас перед его внутренним взором появился самый неприятный момент из жизни.

Что он видел? Что тревожило такого влиятельного в империи человека? Это муки совести или что-то другое?

Не знаю почему, но мне неистово захотелось прижаться к нему и прошептать успокаивающие слова, помочь избавиться от ночных кошмаров, защитить от них. Нужно было попытаться сбежать, развязав изначально веревку на наших запястьях. Но я закрыла глаза и немного пододвинулась к Тиррену.

С каждой новой минутой в голову закрадывались все новые мысли. Мое поведение противоречило логике. Этот человек являлся врагом, которого стоило опасаться и от которого следовало скрыться. Но я продолжала лежать, ощущая давно утерянное умиротворение.

– Странно... – еле слышно прошептала я, а после медленно подняла веки, встретившись с взглядом карих глаз.

Мысль, что меня заметили, застали за чем-то запретным, молнией пронзила разум. Я вскочила и собралась бежать, но забыла о веревке на запястье и упала прямоком на палача, выбив воздух из его легких. Он быстро сориентировался, обхватил меня одной рукой, убрал с себя и посадил рядом. А сам принялся развязывать узлы.

Я поджала губы и поднялась на ноги, собираясь скрыться с его глаз.

– Мне надо уединиться, – было кинута через плечо, чтобы предотвратить преследование, как только я оказалась свободна.

Когда я добралась до ближайших кустов, у меня все-таки начали трястись пальцы. Я обещала себе отомстить этому человеку, сбежать от него, показать, что не все решается грубой силой и что Эйви Морисон невозможно остановить. Но утро, обычная близость, интерес к Тиррену пошатнули всякую уверенность в своих суждениях и желании так поступать.

Почему?

Я привела себя в порядок и размотала длинную ленту плотной ткани, удерживающей медяки. Немного поразмыслив, я обвязала ею бедро, захватывая правую ногу таким образом,

чтобы было проще дотянуться до монеток. Две из них снова оказались между ее полосками, открывая лишь свои бока, чтобы случайно не потерялись, не исчезли в самый неподходящий момент. Третью же я засунула под обновленную повязку, хотя крайне не хотела выпускать ее из рук. Медяки добавляли каплю уверенности и являлись моим спасением. С помощью миамы мне не единожды удавалось избежать неприятностей, он стал неотъемлемым помощником, но в то же время именно из-за него пришлось расстаться с прежней жизнью.

К тому моменту, как я вернулась, на поляне уже все было убрано. Тиррен со скучающим видом сидел на своем пне и дожидался меня. Как только я приблизилась к нему, он поднялся и направился к лошади. Спустя пару минут мы уже ехали на ней по лесной тропе и вскоре выехали на холмистый участок без единого деревца.

Палач расположился позади, держал поводья, однако не допускал ни единого касания. На этот раз я не висела вниз головой, не ощущала, как холодеют внутренности из-за неудобной позы. Но в то же время появился дискомфорт. Мужская рука постоянно находилась перед моими глазами, периодически сжимала кожаный ремешок, отчего на ней выступили ниточки вен. Еще немного – и она легла бы на мою ногу, дотронулась до локтя, однако ничего подобного не происходило. Расстояние не сокращалось, но нутро замирало от каждого движения Тиррена.

Черная грива коня блестела на солнце, и я раз за разом заставляла себя смотреть именно на нее или хотя бы поднимать голову и наблюдать за дорогой, но взгляд все равно самопроизвольно опускался к этой руке, жар которой еще утром согревал мою щеку.

Когда мы снова оказались в лесу, уже более редком, я наконец встряхнула головой и, к своему сожалению, обнаружила знакомые места: огромные забавно скучковавшиеся валуны, толстые стволы высоких деревьев и широкую тропу, по которой ранее много раз проезжала.

Осознание, что скоро появится Шигард, что время почти на исходе и что я все делаю не так, заставило вспомнить о намерении избавиться от палача. Медяк незаметно оказался у меня в руке. Стоило сжать его, как на губах заиграла улыбка. Я крайне осторожно полоснула им по двум другим и увидела прямо перед собой миаму, который расположился на голове коня, нисколько ему не мешая.

– Вам не кажется, что лошадь устала? – повернула я голову к мужчине. – Вы посмотрите, она уже еле переставляет ноги.

Тиррен ничего не ответил, даже не взглянул на меня.

– Неужели вы такой черствый, что не щадите даже свою лошадь? Ладно меня, – я отклонилась назад, прижимаясь к его груди и опираясь на руку, которой он удерживал кожаный ремешок, – но животное можно было бы уже и пожалеть.

Палач положил левую ладонь мне на плечо, собираясь отодвинуть от себя, чего, собственно, я и добивалась. Однако стоило впиться ногтями во вторую его руку, чтобы от неожиданности он отпустил поводья, как Тиррен вместо этого сжал ее в кулак. Медлить было нельзя ни секунды. Я быстро сориентировалась и позвала на помощь миаму. А тот прикоснулся одним лишь пальчиком к ремешку, переводя небольшую часть его в состояние неосязаемой невидимости, по размеру не превосходящую ширину мужской ладони. Хотелось бы, чтобы исчезли все поводья, и на длительный срок, однако двойник пока мог воздействовать только на мелкие предметы или их небольшие участки. И совсем недолго. Но мне хватило предоставленной доли секунды, чтобы резко ударить Тиррена по локтю и толкнуть его назад, сбросив с лошади.

Правда, я не ожидала, что палач не выпустит мое плечо и потянет меня за собой, заставляя тоже упасть с коня. Еще в полете я лихорадочно начала менять имевшийся план и искать выход из незавидного положения. Едва мы оказались на земле, мой двойник спрыгнул с черного жеребца и ударил его по крупу раскрытой ладонью, отчего тот встал на дыбы и помчался в лесную глушь.

Радость от частичной победы вскоре смыло водой, стоило магу грубо сбросить меня с себя и подняться на ноги. Он явно собирался вернуть свою лошадь, пустить миаму в погоню

и остановить ту на ходу. Я вскочила, схватила ближайшую палку и замахнулась на мужчину, намереваясь ударить его по руке. Однако она не достигла цели, камешки в итоге так и не вывалились из его ладони, а он не лишился связи со своей магической копией. Его невидимый миам, все-таки оказавшийся рядом, а не возле удаляющегося жеребца, резко потянул на себя мое импровизированное оружие и откинул в сторону. Не прошло и секунды, как я уже летела куда-то назад, наблюдая за недовольным выражением лица Тиррена и его новой попыткой вернуть убегающее животное.

Медяк в ладони до сих пор продолжал вибрировать. Мой неторопливый двойник только сейчас дошел до палача и прикоснулся пальчиком к одному из белых камешков, переводя его в бесплотное состояние и нарушая тем самым нужный эффект их взаимодействия. Для пушечного эффекта миам нагрел небольшую часть предмета, а та после возвращения в твердую форму передала жар и всему остальному камню.

Палач вдруг откинул свои миамены, тряся при этом рукой, словно обжегся. Он посмотрел на свою ладонь, потер ее пальцами, затем потянулся к камням, намереваясь поднять их и снова вызвать двойника. А я в этот момент уже неслась на него. Под конец появился воинственный клич, и мужчина упал на землю под тяжестью моего тела. Всего доля секунды для передышки – и я поползла в сторону миаменов мага, собираясь один из них откинуть куда подальше. Свой же медяк пришлось спрятать в повязку на бедре еще во время бега, иначе я могла случайно лишиться так необходимой в данной ситуации монеты.

Мне оставалось совсем чуть-чуть до заветного предмета, когда мужская рука схватила меня за лодыжку и потянула назад. А я ведь даже прикоснулась средним пальцем к белому камню, почти схватила его. Тиррен встал на ноги и твердой походкой направился к своим миаменам.

– Ха, – вскрикнула я, быстро поднялась, пару раз поскользнувшись на низкой траве, и прыгнула на них, накрывая всем телом.

Мужчина опустился рядом на колени. Я не представляла, что он собирался сделать, но старалась действовать быстро: одновременно попыталась нащупать один из камней и достать медяк.

Мое тело вдруг воспарило над землей. Тиррен поднял меня, словно пушинку, и быстро забрал свои миамены. Наверное, пришло время отчаиваться и мириться с очередным поражением. Почему-то с этим мужчиной каждая попытка осуществить новый план побега оборачивалась не в мою пользу. Однако не успело появиться отчаяние, как мне на глаза попала одна очень занятная вещь.

Громкий яростный крик, сорвавшийся с моих губ, придал сил. Я вывернулась и оказалась на свободе, больше не ощущая на талии мужскую руку. Правда, Тиррен сразу же схватил меня за локоть и повалил на спину, надавливая коленом на живот. Стоило бы расстроиться, однако меня распирало от радости из-за своей небольшой победы.

– Ха, убежала, – выдавила я, наблюдая за его устремленным вдаль взглядом.

Лошади нигде не было видно. Она успела скрыться в лесной чаще, даже не превратившись в крохотную черную точку. И как бы далеко не мог отдаляться миам от палача, ему уже не догнать лихого коня.

Желваки на смуглом лице заходили ходуном. Губы сжались в тонкую линию, а глаза сощурились до маленьких щелок. Он с нескрываемой злостью начал перебирать камнями в ладони, вызывая двойника. Теперь мне предстояло бороться не только с сильным мужчиной, но и с его магической копией. Что было сил я рванула вверх и ударила по руке Тиррена, снова не достигнув цели из-за невидимой преграды. Однако от неожиданности один камень все-таки выпал, что привело его в недоумение.

Я казалась самой себе изворотливой дикой кошкой, четко знающей свою цель и стремящейся только к ней. Уже в следующую секунду в моем кулаке оказался валявшийся на земле миамеи мужчины, а в голове зародилась единственно верная мысль: «Бежать!»

Тяжелое дыхание перекрыло все остальные звуки, юбка платья, как назло, начала заплетаться в ногах, отчего пришлось приподнять ее. Ноги утопали в траве, становившейся все выше и выше. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за волосы. И хоть я пригибалась, они все равно неприятно царапали кожу.

Считанные минуты побега показались мне длинными часами. Надо было вилять между деревьями, не попасться в руки разъяренному человеку, стремительно настигавшему меня. Я хотела обернуться, но каждый раз заставляла себя выискивать глазами какие-нибудь кусты или заросли, через которые палачу было бы сложно пробраться.

Пара минут... и я полетела на землю, сбита с ног тяжелым мужчиной. Высокая трава смягчила падение. Однако неожиданно мы начали катиться по крутому склону вниз, задевая кочки, корни деревьев, иногда кусты. Каждый раз, ударяясь обо что-то твердое, доставляющее сильную боль, я вскрикивала. Мой голос разносился по всему лесу, а эхо повторяло и усиливало его.

В какой-то момент мы остановились. Голова еще продолжала кружиться, плечо ныло после многочисленных столкновений. Но единственное оказалось хорошо: я была сверху. Однако стоило мне дернуться в сторону, как мужчина со всей силы прижал меня к себе, выбивая остатки воздуха из легких. Он завел мою правую руку за спину и начал разжимать палец за пальцем, в надежде вернуть свой миамеи.

Палач сделал ошибку, грубую и непростительную. Как только он завладел камнем, ему пришлось приподнять подбородок и почувствовать на шее холод стали своего же клинка. Вот теперь я окончательно почувствовала себя победителем.

Его кадык ходил вверх-вниз, потемневшие глаза встретились с моими, а одна рука начала вытягиваться над головой мужчины, показывая, что он и вовсе сдается. Я выгнулась, собираясь привстать, оторвалась от мага и тем самым сбросила вторую ладонь со своей поясницы.

Стоило нажать на его шею острием клинка, как Тиррен напрягся и даже затаил дыхание.

– Моя взяла, – широко улыбнулась я, но в следующую же секунду дернулась к его вытянутой на траве руке, чтобы не позволить соприкоснуться друг с другом двум камням и вообще отобрать их. – Даже не вздумай, – мне хотелось сказать это с ноткой угрозы, прошипеть, в конце концов, а в итоге получился вздох облегчения.

Однако сразу же пришло понимание, что меня попросту поймали в ловушку. Хоть миамеи я и смогла откинуть в траву, но длинные мужские пальцы переплелись с моими, и выбраться мне из появившегося плена не удавалось. Вторая же сильная рука уже лежала на моем правом запястье и тянула в сторону, убирая опасное оружие от горла.

– Ну уж нет, – я придавила своим телом клинок, заставляя мага слегка приподнять подбородок. Теперь любое движение холодного оружия причинило бы вред как ему, так и... мне. – Отпусти, – процедила сквозь зубы, боясь лишний раз вздохнуть.

Тиррен медленно и аккуратно, палец за пальцем, разжал свои оковы. Только сейчас ко мне пришло понимание, что я прижимаю клинок своей грудью, что вырез платья находится слишком близко к лицу мужчины, что мне не удастся дышать спокойно, не тяжело. Чтобы отвлечься от неправильных мыслей, я встряхнула головой, и все волосы упали вниз, словно отгородили наши лица от окружающего мира.

– Отпусти, говорю, – на этот раз фраза прозвучала как настоящая угроза, однако палач не разжал свою правую руку, что пальцами переплеталась с моей, до сих пор заставляя нависать над ним.

Надо было нажать на кинжал, показать, что я готова идти до последнего, что со мной шутки плохи. Но что-то пошло не так. То ли в этом виновато его горячее дыхание, которое

доставало до моей кожи, то ли его высоко вздымающаяся грудь, то ли внезапно посветлевшие карие глаза, то ли... рука, медленно опускавшаяся вниз по моей талии и почему-то остановившаяся на оголенной ноге.

Что-то пошло не так... Нет, только не это!..

По телу пробежала предательская дрожь, явно не укрывшаяся от мужчины. Я даже заметила, как он в этот момент дернул уголками губ. Надо было находиться в том же положении, с ясным умом, не поддаваться никаким эмоциям и здраво оценивать ситуацию. Но звенящая тишина навалилась со всех сторон. Омут его глаз затягивал. Эта близость наших лиц воздействовала опьяняюще. А стоило шершавым пальцам сжать кожу на моем бедре, как я слегка выгнулась, неосознанно подаваясь вперед.

Я нервно сглотнула, втянула побольше воздуха, почувствовав, как дурманит мужской запах. Что-то определенно пошло не так, ведь надо было крепко держать рукоять клинка, а как только ощутила левой рукой свободу, сразу же потянуть ее на себя, не позволив Тиррену ухватиться за запястье и положить ее к себе на щеку.

– Выбрось его, – настойчиво прошептал мужчина, и я почему-то послушалась.

И лишь когда сделала сказанное, пришло осознание собственной ошибки. Я посмотрела на валяющийся в стороне клинок и шумно втянула воздух, но сразу же ощутила мужскую руку у себя на затылке, которая надела на него и заставила поцеловать мага.

Надо было запротестовать, укусить, ударить по лицу... Однако мне словно дали попробовать вкусное лакомство, которое долгое время находилось под запретом. Я забыла... забыла, каково это, когда сминают в неконтролируемом порыве твои губы, когда рукой можно провести по колючей щеке, опуститься на шею, плечо, ощутить под ладонью твердые мышцы.

Почти сразу же Тиррен перекатился, увлекая меня за собой и тем самым уже заставив оказаться под ним. Он закинул мою оголенную ногу на себя и не переставал впиваться в нее шершавыми пальцами. Его губы были настойчивыми, они подчиняли и не позволяли вернуться к реальности. Я чувствовала себя маленькой и хрупкой, которую необходимо защищать и оберегать. Казалось, тело больше не принадлежало мне, им управляли, странно воздействовали, не позволяя разуму взять контроль над мыслями и поступками.

Мужчина на секунду отстранился, пробежался глазами по моему лицу, разметавшимся на траве волосам, усмехнулся каким-то своим мыслям, а после снова припал к губам. Это было настоящим наваждением, ведь я его даже не знала, видела от силы пару раз и даже толком не разговаривала. Однако это не мешало лхнуть к нему, обнимать за широкие плечи, сжимать в кулаке его волосы. Я сама себе казалась изголодавшимся животным, которому так не хватало обычного поцелуя и той же руки на своем бедре, медленно продвигающейся вверх.

Лишь на мгновение, когда Тиррен прикоснулся к повязке на ноге, я вспомнила о трех монетах, которые ни в коем случае нельзя потерять, но не подумала, что сейчас делала что-то не так, впиваясь в его губы и не позволяя оторваться от себя.

В какой-то момент он все-таки отстранился, наклонился к моему уху и прошептал:

– Я хочу тебя.

По телу пробежала крупная дрожь, глаза сами закрылись, а из груди вырвался тихий стон. То ли слова, то ли обжигающее дыхание на меня так подействовали. Тиррен навис надо мной, дожидаясь ответа. Он ненадолго опустил, снова поцеловал в губы, а затем и вовсе прикусил нижнюю, слегка оттянув ее.

Я готова была разрешить, позволить делать со своим телом все, чего бы он ни пожелал. Но так сложно оказалось разговаривать. Трудно стало переплести даже пару букв между собой, когда мужчина вот так дразнил и играл, опалял кожу своим дыханием, заставлял смотреть в глаза, даже улыбался. А его рука на моей ноге сводила с ума. Я даже ощутила, насколько он хочет меня, мысленно уже отдалась и представила, как восхитительно было бы в тот момент.

Тиррен не продолжал, он ждал разрешения, именно словесного. И я открыла все-таки рот, чтобы сказать «да», когда вдалеке послышались крики и топот копыт.

Мы замерли, впились друг в друга глазами, словно нас только что застали за чем-то непристойным.

– Нет, – схватила я его за плечо, когда он собрался подняться. – На прощание.

Но он не услышал или не понял просьбу, резко встал. А в следующую секунду маг взял меня за руку и дернул на себя, поднимая и сразу же хватая в свои объятия. Тиррен поцеловал, а мое тело поплыло, ноги не удержали. Я казалась самой себе воском под воздействием огня, которому суждено лишь сползти по стенкам свечи и остаться внизу застывшей лужицей.

– Все, – прошептал мужчина и напоследок еще раз прикоснулся к моим губам.

Он отпустил меня, сделал шаг назад. Мне же пришлось слегка встряхнуть головой, чтобы прийти в себя. Вновь появившиеся крики мужчин, зовущих тэйра, стали как ушат холодной воды, резко вернувшей осознание, кто он такой и что меня ждет в ближайшем будущем.

Я сперва растерялась, затем хотела убежать, но вместо этого метнулась к кинжалу, надеясь хоть с помощью него обрести свободу. Мужчина оказался быстрее: он не только поднял с земли холодное оружие, но еще и в считанные секунды добрался до своих камней, сразу же выпрямляясь и поворачиваясь к скачущим в нашу сторону стражникам.

Но была секунда, краткий миг, когда Тиррен странно взглянул мне в глаза и хотел что-то сказать. Я заметила этот порыв и сжалась в страхе. Его слова полностью расстроили бы меня или, наоборот, придали бы сил.

– Тэйр, к воротам Шигарда прискакала ваша лошадь, и мы сразу же пустились на ваши поиски, – отчитался стражник, остановившись перед палачом.

Глава 7

Я чувствовала себя неуютно. Пока солдаты слушали приказы и разъяснения Тиррена, затем встречали остальных, также пустившихся на спасение такой важной персоны, как первый палач империи, у меня присутствовало стойкое ощущение гнетущей тяжести.

Мне не понравилась собственная реакция на этого мужчину, пусть и не совсем обычного. Там словно была другая Эйви, распутная и горящая желанием продолжить начатое безумие. За три года я ни одному представителю сильного пола не позволяла ничего подобного, старалась держать всех на расстоянии. Дальше флирта, целью которого являлась собственная выгода, не заходило ни разу. Я приближалась к грани, но не смела ее нарушать. Лишь натянутая улыбка, легкие прикосновения и ничего более. Моими спутниками давно стали миам, одиночество, ткани, вышивка и редкие прогулки по лесу. Я не была затворницей, но и не жила с душой нараспашку – смерть любимых людей вынудила уйти в тень и отдалиться от остального мира.

По приказу палача один из стражников подошел ко мне и положил руку на плечо, заставляя слегка согнуться под ее тяжестью. Из груди почти вырвалось возмущение, но потом я поймала на себе мимолетный взгляд Тиррена и прикусила губу, снова вспоминая его поцелуй.

Он мог посчитать меня развратной девкой, судя по тому поведению, но почему-то для моего странного состояния это сравнение сейчас не выглядело оскорбительным. Я прищурилась и слегка наклонила голову набок, наблюдая за палачом, почти полностью скрытым под черным плащом. Десять лет назад при нашей мимолетной встрече он уже занимал эту высокую должность, выглядел отстраненным, черствым, строгим, но не менее красивым. Помнится, я поделилась своим наблюдением с подругой, а та рассмеялась в ответ, заверив, что такие, как он, всегда остаются одни – рядом с ними сложно и невыносимо.

Разве?

Голос Тиррена был резким и строгим. Я вслушивалась в его звучание, не различая коротких фраз, и улыбалась. Разум пытался успокоить сердце, вторил, что ничего серьезного не произошло, но в груди почему-то зародилась тревога и что-то еще, крохотное, еле различимое, почти неосоздаемое...

Силы магические, почему нельзя повернуть время вспять?

Тиррен развернулся, уверенным шагом направился ко мне и одним лишь кивком приказал стражнику убрать руку с моего плеча. Никто не проронил ни слова. Рядом появилась лошадь, палач посадил меня на нее и вскоре расположился сзади. Его движения были четкими, быстрыми, карие глаза даже на мгновение не встретились с моими, хотя я ловила его взгляд и пыталась заглянуть в них, чтобы понять для себя хоть что-нибудь.

«Что ты творишь, женщина? Это безжалостный убийца, палач!»

Разум все-таки взял верх над эмоциями, поэтому я перекинула одну ногу через коня и выпрямила спину, собираясь максимально далеко держаться от мужчины.

Да, недавно было нечто запредельное и восхитительное. И чего уж таить, я бы с радостью согласилась повторить, продолжить, поддаться и подчиниться его силе. Но этому не суждено сбыться. Даже если казни удастся избежать, даже если новый суд докажет мою невиновность, даже если меня отпустят, нам никогда больше не доведется встретиться вновь, ведь мы находились на разных ступенях общественной лестницы.

Я не сомневалась, что, не будь рядом трех стражников, он бы все равно мне не сказал ни слова. Вот так мужчины и подчиняют женщин – заставляют их что-то чувствовать к себе...

Теперь палач держался за поводья двумя руками, однако они все равно не прикасались ко мне. Я впиалась взглядом в загорелую кожу, впадая все в большее отчаяние. Меня неистово тянуло чуть откинуться назад и ощутить спиной его грудь, почувствовать на виске горячее дыхание, оказаться в мужских объятьях.

Однако вопреки своим желаниям осталось лишь вздохнуть и покачать головой, отгоняя проклятое наваждение. Нельзя! Люди редко получают то, чего хотят, а чаще всего еще и лишаются того, что имеют и не берегут.

– А теперь вы определились с мнением обо мне? – тихо прошептала я, чтобы нас не расслышали ехавшие неподалеку стражники.

Было заметно, как напряглись руки палача, но это продлилось недолго.

– Я не формирую мнение о приговоренных к смерти, – сухо проговорил Тиррен.

– Как же... – усмехнулась я, встряхнула головой и посмотрела вдаль, где уже появились очертания Шигарда. Мне не стоило туда возвращаться. Еще тогда, три года назад, когда произошел взрыв, я категорически отказывалась ехать в этот город, но почему-то согласилась с Рэмми, жалея затем о принятом решении чуть ли не каждую минуту.

Фыркнул конь, привлекая мое внимание к двум ехавшим спереди стражникам. Третий сопровождающий держался позади, а еще один остался там, в лесу, отдав нам свою лошадь. В какой-то момент мне показалось, что они были настороже, периодически оглядывались по сторонам, словно целью их являлось не следить за мной, а охранять Тиррена. От этой мысли мне стало смешно и даже слегка поднялось настроение.

Я улыбнулась, ненадолго прикрыла глаза, а затем все-таки отклонилась назад, чуть ли не оказываясь в его объятьях. Маг отпустил правой рукой поводья, прикоснулся к моей талии и попытался мягко меня отодвинуть. Все-таки в прошлые разы его движения были резче, они говорили о презрительном отношении к какой-то ведьме. Теперь же я поймала себя на мысли, что, не будь рядом стражников, палач поступил бы сейчас иначе: не увеличивал бы между нами расстояние, а притянул к себе, обнял, прикоснулся бы губами к шее, прошептал что-нибудь на ухо. В воображении вырисовалась эта картина, тело словно ощутило все то, что появилось перед внутренним взором.

– Перестаньте, – тихо заговорил Тиррен.

– Так я ничего и не делаю. Мне просто неудобно сидеть, – однако стало понятно, что он имел в виду не мое движение назад.

Наверное, тому виной были прикушенная губа, попытка заглянуть ему в лицо и едва уловимое прикосновение подушечек пальцев к его напряженной руке. До меня не раз доходили слухи об этом человеке. В них он никогда не проявлял эмоций, молчал, строго смотрел, беспощадно убивал. Сейчас же появилось ощущение, что Тиррен совсем не такой. А я словно сумела чуть-чуть снять с него маску, которую он отчаянно пытался надеть обратно.

– Эйви Морисон, забудьте все, что недавно произошло, – быстро заговорил он, когда наша лошадь ступила на подвесной мост. – Я не отказываюсь от сказанных тогда слов и с удовольствием продолжил бы начатое. Однако вы и дальше остаетесь заключенной. Я не позволю вам сбежать, и если придется привести приговор к исполнению, то без зазрения совести сделаю все, что от меня потребуется.

С каждой секундой его шепот расслышать становилось все сложнее. Гул людских голосов постепенно нарастал. В Шигарде кипела жизнь, впрочем, как и всегда. Туда-сюда сновали городские жители, пробегали перед самой лошадью, заставляя нас останавливаться. Можно было слезть и пойти пешком, но Тиррен не собирался этого делать. Мы ехали по узким улочкам, иногда сворачивали на широкие, пару раз пригибали головы из-за низких арочных проходов или белья, что сушили местные женщины.

Я рассматривала знакомые виды, и сердце сжималось в болезненном спазме. Воспоминания прошлого тяжестью отдавали в груди. Мне пришлось коротко выдохнуть и сжать челюсти, чтобы отвлечься, настроиться на ближайшую борьбу и не думать о том, что меня ждет в будущем. Теперь появился новый страх. Здесь меня определенно поведут на суд, вынесут приговор официально, с длинным зачитыванием обвинений, совсем не так, как это было в Тервиле. В этом городе все дела проходили именно таким способом.

Внезапно Тиррен громко свистнул, потянул поводья на себя, заставляя лошадь остановиться. Я подняла взгляд и охнула, заметив восстановленный храм. Огромное здание тянулось вверх, на несколько этажей превышая то, старое. От обгорелого предшественника остался только фундамент и маленькие постройки по бокам. Все остальное выглядело новым, красивым, из красного камня, словно в напоминание о случившемся. Храм, казалось, благодаря своим узеньким окошечкам наблюдал за снующими мимо него людьми, выискивал виновника, который непременно однажды должен появиться у его массивных ворот.

Мужские руки подхватили меня за талию, сняли с лошади. А я не переставала смотреть на обновленное здание. Даже без применения магии появились воспоминания, которые мне так хотелось забыть. В голове должны жить только приятные моменты, особенно об умерших, чтобы радоваться, что они появились на моем пути, присутствовали, украшали каждый день. Не стоит очернять свет их улыбки горестными мыслями.

Тиррен обошел меня и загородил обзор на храм. Он прищурился, о чем-то задумался, а затем завел мои руки назад и связал их, скорее всего, страшись повторения предыдущей попытки залезть мне в голову.

– Эйви Морисон, встаньте туда, где начались воспоминания, которые отразились в омуте памяти, – четко и очень ровно проговорил палач, развернув меня к себе лицом.

Наверное, в моих глазах отразился весь набор эмоций, который я испытала в тот ужасный день из далекого прошлого. Дышать стало трудно. Я сжала челюсти, с трудом сглотнула и с мольбой посмотрела на мужчину.

Казалось, сейчас прозвучит просьба, Тиррен вот-вот повторит сказанное более мягко, однако его губы превратились в тонкую линию, едва он взглянул на находившегося возле нас стражника. Палач опустил руки мне на плечи и повел за собой. Он останавливался в разных местах, слегка приседал, внимательно осматривал окружение. Не сложно было догадаться, что мужчина сравнивал все с тем, что увидел пару дней назад в той дымке.

В какой-то момент маг кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями, переместил меня в определенную точку и аккуратно сжал мое плечо. Послышался скрежет камней, появилось холодное прикосновение к вискам, и я в одно мгновение перенеслась в прошлое.

– Следите, чтобы никто не попался нам на пути, – откуда-то издалека донесся голос Тиррена, но это уже было не важно...

– Мапочка, – звонкий смех Лилии отвлек меня от странных мыслей.

Я опустила взгляд на свои пальцы, между которыми удерживала зеленую ткань, которую собиралась купить. Но мое внимание привлекла дочурка. Четырехлетняя малышка, перепрыгивая с одного камешка на другой, оказалась возле меня и обхватила ручками ногу, с трудом сдерживаясь, чтобы в ту же секунду не рассказать все, что недавно увидела.

– Она... – начал было говорить только подошедший Рэмми.

– Слишком рано, – мое плечо больно сжали, однако на нем не лежало никакой руки. Да и голос вроде бы принадлежал...

– Там мы видели фанан! – радостно заверещала Лилия, подпрыгивая на одном месте, отчего ее кудряшки, заплетенные в хвостики, забавно пружинили. Солнечные лучи играли в ее волосах, заставляли маленькую головку блестеть, делая из этого человечка настоящее чудо из чудес.

– Фонтан, малышка, – присел возле нее Рэмми, однако дочурка не собиралась сейчас запоминать правильное произношение нового слова.

В ее глазах горели искорки, ей не терпелось поделиться новыми впечатлениями, которые она получила, пока меня не было рядом.

– Мама, еще... – она начала чуть ли не задыхаться от восторга, – я увидела алтиста. Бзячего, – добавила Лилия, но нахмурилась. – Бзячего! И у него вот такая шапка. Мама, мама! –

зато пала она ножками, указывая пальчиком на множество маленьких искорок, появившихся возле массивных ворот.

Туда начали стекаться люди. Подобные храмы присутствовали в каждом городе, и мы не раз бывали в Тервильском. Однако этот отличался от остальных. Его построили на источнике, связующем реальный мир с магическим. И если перекрыть к нему доступ, то миамы полностью исчезнут. Я часто задавалась вопросом: почему соединяющая два зависящих друг от друга мира воронка находится только здесь, почему нет иных проводников, каких-нибудь связующих нитей? Только из этого храма исходили пустые магические потоки и возвращались обратно, обогащенные самой жизнью. Это место – центр нашей империи. Поэтому Шигард превратился в огромный город и стал столицей.

Арочный вход уже начал блестеть разными цветами, привлекая внимание окружающих. Миамистры специально призывали людей посещать их храмы. Это был взаимовыгодный обмен. От количества присутствующих зависел объем магического всплеска и раскрытие воронки на ближайшие десять дней. Все храмы империи связывались воедино, в них, словно по устью реки, направлялись волны, которые через пару секунд возвращались обратно. Именно поэтому послушники миамистра каждый раз устраивали восхитительное представление, чтобы появился дополнительный интерес прийти в храм и понаблюдать за завораживающими возможностями их миамов. Именно из-за моих рассказов об их выступлениях муж настоял на этой поездке, желая увидеть и в то же время показать Лилии.

– Рэмми, мне осталось только расплатиться, – посмотрела я на супруга. – Идите пока без меня. Там возле входа справа будет лестница на второй этаж, ее не сложно обнаружить. Поднимитесь по ней и не заходите далеко. А я еще выберу пару кружев и очень скоро присоединюсь к вам. Иначе потом не будет времени.

– Люблю тебя, – поцеловал меня в щеку Рэмми и взял Лилию на руки, а затем торопливо зашагал в сторону храма.

Я на пару секунд задержала на нем взгляд, потом снова вернулась к зеленой ткани, собираясь уже поговорить с продавцом и обсудить цену. Однако стоило мне поднять голову, как события начали лететь перед глазами с ошеломляющей скоростью. Там появилось лицо пожилого мужчины, его протянутая рука с монетами, три медяка, падающие мне в ладонь, и мой испуг. Видение... А в следующую секунду я с полной уверенностью, что сейчас произойдет взрыв, пробиралась к храму, расталкивая бежавших навстречу людей.

Вдруг все остановилось, даже я почему-то не могла пошевелиться. В носу защекотало от запаха дыма, но это был лишь маленький отголосок. Узкие окна храма почему-то хорошо освещались изнутри, хотя обычно выглядели черными мрачными полосками. Меня тянуло сделать шаг вперед, продолжить движение, отодвинуть стоявшую передо мной женщину, однако тело находилось в оцепенении.

В районе висков зародилось леденящее покалывание. Этот холод окутал сознание, начал распространяться по венам. Появилась возможность двигаться, однако мною словно управляли, вели не вперед, не к храму, а в совершенно противоположную сторону. Изо рта не вырвалось ни звука, хотя я пыталась запротестовать, возразить, закричать, в конце концов. Там Лилия, там Рэмми...

Толпа постепенно редела, людей обходить становилось все проще. Меня тянуло обернуться, разобраться в происходящем, однако и это мне не удалось. Дыхание значительно затруднилось, словно само нутро противилось тому, что сейчас происходило.

– Расслабьтесь, – раздался возле самого уха знакомый голос, однако поблизости никого не было.

Возмущения рвались наружу. Я попыталась остановиться, не идти к фонтану, где застыл тот самый бродящий артист, которым и восхитилась недавно Лилия. Ее смех врезался в память,

я со всей ощущаемой злостью сжала руки в кулаки и развернулась, не сделала больше ни шага, собираясь направиться в нужную именно мне сторону.

– Эйви, пожалуйста, – где-то совсем рядом прошептал невидимый мужчина, – не сопротивляйся. Скоро все закончится.

По телу пробежала крупная дрожь. Меня неистово тянуло к храму. Однако как бы я ни пыталась двигаться именно к нему, неведомая сила не пускала. На плече периодически ощущалось чье-то прикосновение, словно там лежала рука. Раз за разом появлялся тихий шепот. Паника!.. Она завладела разумом, не позволяла трезво мыслить, оценить сложившуюся ситуацию и понять, что сейчас происходит.

Я открыла рот, чтобы закричать, однако пространство вокруг не пронзил мой голос. Кажется, мне удалось сбросить что-то с себя, вырваться на свободу, лишиться странных оков.

В висках больно кольнуло. По венам вдруг разлилась обжигающе-холодная волна, отчего руки заходили ходуном. Но все прекратилось так же неожиданно, как и началось.

Солнце продолжало заливать своим светом площадь, отражаться в застывших брызгах воды фонтана, блестеть в окнах многочисленных домов. Тишина. Спокойствие. Жизнь вокруг будто навеки замерла.

Меня медленно развернули и заставили идти вперед. На сопротивление не осталось сил. Вскоре я увидела русоволосую девушку, на лице которой застыл испуг. Ее голова была повернута в сторону храма, но ноги уже несли незнакомку в неизвестном направлении. Она застыла на полушаге, однако по частично парящей в воздухе юбке и согнутым в локтях рукам было понятно, что двигалась она очень быстро. Мне показалось это лицо смутно знакомым, далеким, неясным. Ухватиться за воспоминание, связанное с ней, никак не удавалось.

Я хотела обогнуть ее так же, как и всех остальных людей, которых приходилось обходить, но мне не удалось. Вдруг в висках появился успокаивающий холод, и люди начали очень медленно оживать. Девушка посмотрела себе под ноги, потом устремила взгляд вперед и продолжила бег. Вскоре она добралась до темного переулка и скрылась в нем.

Меня же все это время заставляли следовать за ней, но в какой-то момент появился мерцающий барьер, от соприкосновения с которым в голове зародилось легкое щекотание. А в следующую секунду пространство озарила яркая зеленая вспышка и раздался оглушительный взрыв. Меня резко толкнуло вперед, но та же преграда не пропустила сквозь себя.

Вдохнуть оказалось слишком трудно, в легкие не поступал воздух... Я встряхнула головой, ничего не понимая. Все резко изменилось. Из-за ярких солнечных лучей пришлось прищуриться, гул людских голосов стал невыносимо громким, отчего я сразу же прижала руки к ушам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.